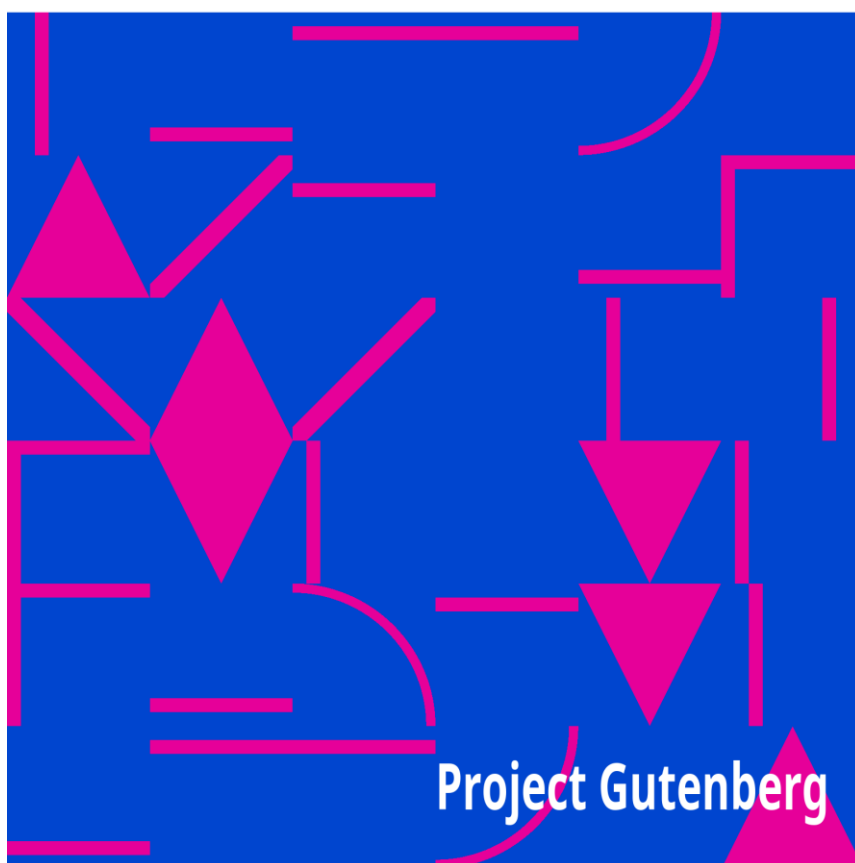

Греческие и римские истории о привидениях

Лейси Коллисон-Морли

Greek and Roman Ghost Stories

Lacy Collison-Morley

The Project Gutenberg eBook of Greek and Roman Ghost Stories.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Греческие и римские истории о привидениях

Автор: Лейси Коллисон-Морли

Дата выхода: 30 ноября 2005 [eBook #17190]

Последнее обновление: 13 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Сюзанной Лайбаргер, Джанет Бленкиншип, Брайаном Джейнсом и группой онлайн-распределенной корректуры проекта Гутенберг (<https://www.pgdp.net/>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ИСТОРИИ О ПРИВИДЕНИЯХ ***

*Электронный текст подготовлен Сюзанной Лайбаргер, Джанет Бленкиншип, Брайаном Джейнсом,
и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".
(<https://www.pgdp.net/>)*

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ИСТОРИИ О ПРИВИДЕНИЯХ

ЛЭЙСИ КОЛЛИСОН-МОРЛИ

В ПРОШЛОМ СТИПЕНДИАТ КОЛЛЕДЖА СВ. JOHN'S COLLEGE, OXFORD

АВТОР КНИГ "ДЖУЗЕППЕ БАРЕТТИ И ЕГО ДРУЗЬЯ", "СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА".

OXFORD

Б.Х. БЛЭКУЭЛЛ, ШИРОКАЯ УЛИЦА

ЛОНДОН

СИМПКИН, МАРШАЛЛ И КО, ЛИМИТЕД

МСМХII

Этот сборник был начат по предложению мистера Мэриона Кроуфорда, чье обширное и постоянное чтение классики послужило источником многих рассказов. Они были собраны вместе в течение нескольких лет случайного просмотра классики и, возможно, заинтересуют тех, кто предается подобным развлечениям.

СОДЕРЖАНИЕ

I.- СПОСОБНОСТЬ МЕРТВЫХ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ

II.- ВЕРА В ПРИЗРАКОВ В ГРЕЦИИ И РИМЕ

III.- ИСТОРИИ О ПРИВИДЕНИЯХ

IV.- НЕКРОМАНТИЯ

V.-ВИДЕНИЯ МЕРТВЫХ ВО СНЕ

VI.- ЯВЛЕНИЯ МЕРТВЫХ

VII.- ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ

I

СПОСОБНОСТЬ МЕРТВЫХ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ

Хотя нет такого периода, когда древние не верили бы в будущую жизнь, они постоянно путаются, когда представляют себе существование человека в потустороннем мире, как мы видим из шестой книги "Энеиды". В сочетании с развитой мифологией Греции мы сталкиваемся с примитивным верованием Италии и, несомненно, Греции - верованием, поддерживаемым всеми религиозными обрядами, связанными с мертвыми, - что духи усопших продолжают жить в могиле вместе с телом. По мере того как кремация постепенно вытесняла погребение, сформировалась идея, что душа может иметь собственное существование, совершенно независимое от тела, и ей было отведено место в яме в центре земли, где она жила в вечности вместе с другими душами.

Эта последняя точка зрения, похоже, стала официальной теорией, по крайней мере, в Италии в классические времена. В мрачной, ужасной этрусской религии предполагалось, что тени находятся в ведении Проводника мертвых - отталкивающей фигуры, всегда изображаемой с крыльями, длинными, матовыми волосами и молотом, чей облик впоследствии имитировался в одежде человека, уносящего мертвых с арены. Несомненно, можно высказать предположение Гастона Буассье о том, что тосканская кровь Данте в какой-то степени объясняет жуткие образы "Инферно".

Цицерон^[1] рассказывает, что, по общему мнению, мертвые жили под землей, и в каждом латинском городе для них было предусмотрено "мундус" - глубокая траншея, которую

выкапывали перед "померием" и считали особым входом в нижний мир для мертвых данного города. Траншею перекрывали сводом, чтобы она более или менее соответствовала небу, в своде оставляли щель, которую закрывали камнем усопших - "lapis manalis". В траншею, засыпанную землей, бросали кукурузу и возводили над ней алтарь. В три торжественных дня в году - 25 августа, 5 октября и 8 ноября - траншею открывали и убирали камень, и таким образом умершие вновь получали свободный доступ в мир наверху, где им совершались обычные жертвоприношения.[2]

Эти положения ясно свидетельствуют об официальном убеждении, что смерть не создает непроходимого барьера между мертвыми и живыми. Духи усопших по-прежнему принадлежали городу, в котором родились, и проявляли интерес к своему старому дому. Они могли возвращаться в него даже в те дни, когда "траншея богов мрака лежит открытой, а сама пасть ада широко раскрыта".[3] Их права должны соблюдаться, если мы хотим отвести зло от государства. Фактически, мертвые были богами со своими алтарями[4], а Корнелия, мать Гракхов, могла написать своим сыновьям: "Вы будете делать мне подношения и призывать свою родительницу как бога".[5] Их культ был тесно связан с культом Лареса - бога очага, который символизировал постоянное место жительства в отличие от ранней кочевой жизни. Действительно, практически не существует различий между Ларесом и Манесом, душами добрых мертвецов. Но у умерших был свой собственный праздник, "Dies Parentales", проводившийся с 13 по 21 февраля в Риме;[6] и в Греции "Genesia", отмечавшийся 5 числа Бёдромиона, в конце сентября, о котором мы знаем очень мало.[7]

Нет ничего более характерного для язычества, чем страстное желание обычного человека увековечить свою память после смерти в мире, вокруг которого крутились все его надежды и чаяния. Цицерон использует это как аргумент в пользу бессмертия.[8]

Многие мужчины оставляли крупные суммы для основания коллегий, чтобы чествовать их память и пировать у их могил по установленным случаям.[9] Лукиан смеется над этим обычаем, представляя душу обычного человека на том свете всего лишь бестелесной тенью, которая исчезает от одного прикосновения, как дым. Она живет за счет возлияний и подношений, которые получает от живых, а те, у кого нет друзей и родственников на земле, голодают и умирают от голода.[10] Нарушителям гробниц грозило проклятие умереть последними в своем роду - проклятие, которое Маколей с его сильной семейной привязанностью считал самым ужасным из всех, что мог придумать человек; а тот факт, что гробницы строились у большой дороги, чтобы мертвые могли быть ободрены приветствием прохожих, придает дополнительную грусть прогулке среди разрушающихся руин, которые сегодня тянутся вдоль Латинского или Аппиева пути за пределами Рима.

Никто из современников не уловил языческого чувства к смерти лучше, чем Джозуэ Кардуччи, истинный духовный потомок великих римлян древности, если таковой вообще существовал. Он рассказывает, как одним прекрасным июньским днем он сидел в школе, слушая, как священник возмущается глаголом "ато", когда его взгляд метнулся к окну и упал на вишневое дерево, красное от плодов, а затем переместился на холмы, небо и далекий изгиб морского берега. Вся природа кипела жизнью, и он ощущал ответный трепет, когда внезапно, словно из самих источников бытия внутри него, возникало сознание смерти, а вместе с ней и бесформенного ничто, и видение себя, лежащего холодным, неподвижным, немым в черной земле, в то время как над ним пели птицы, шелестели деревья, текли реки, а живые наслаждались теплым солнцем, купаясь в его божественном свете. Это первое видение смерти часто преследовало его в последующие годы;[11] и понимаешь, что такие чувства, должно быть, часто испытывали римляне, а еще чаще греки, ибо радость грека в жизни была гораздо больше, чем у римлянина. Мир был единственным благом, которое

смерть могла принести язычнику, и "Pax tecum æterna" - одна из самых распространенных надписей. Жизнь за могилой была в лучшем случае нереальной и безрадостной копией земного существования, и Ахилл сказал Одиссею, что лучше быть крепостным бедняка на земле, чем Ахиллом среди теней.

Когда мы переходим к изучению облика призраков, вновь появляющихся при свете луны, то, как и следовало ожидать, обнаруживаем, что они представляют собой смутную, беспредметную копию своих прежних земных сущностей. У Гомера[12] тень Патрокла, посетившая Ахилла в видении, когда он спал на берегу моря, выглядит точно так же, как Патрокл выглядел на земле, вплоть до одежды. Знаменитая "animula vagula blandula" Адриана дает ту же идею, и трудно представить себе развоплощенный дух, который сохраняет свою личность и возвращается на землю, кроме как в виде некоего нематериального подобия своего земного "я". Мы часто слышим о чрезвычайной бледности призраков, что, несомненно, объясняется их бескровностью и бледностью самой смерти. Проперций представлял их в виде скелетов;[13], но бесплотный, теневой аспект является наиболее распространенным и лучше всего гармонирует с жизнью, которую они должны были вести.

До сих пор мы имели дело с духами умерших, которые были должным образом похоронены и находятся в покое, появляясь среди людей только через определенные промежутки времени, регулируемые религией государства. Судьба мертвых, которым не было даровано такое ничтожное благо, как горсть земли, брошенная на их кости, была совсем иной. Они еще не были допущены в нижний мир и вынуждены были скитаться сто лет, прежде чем попасть в лодку Харона. Эней увидел их на берегу Стикса, простирающих руки "ripæ ulterioris amore". Тень Патрокла описывает Ахиллу свое плачевное состояние, как и тень Эльпенора - Одиссею, когда они встречаются в нижнем мире. Неудивительно, что древние придавали огромное значение обязанности хоронить мертвых, и что Павсаний обвиняет Лисандра в том, что тот не похоронил тела Филока и четырех тысяч убитых при Игоспотами, видя, что афиняне хоронили даже персидских мертвецов после Марафона.[14]

Обычно считалось, что духи непогребенных привязаны, в большей или меньшей степени, к месту, где лежат их тела, и могут сравнительно легко вступать в общение с живыми, даже если они не преследуют их на самом деле. На самом деле это были злые духи, которых нужно было умиловать и почитать в специальных обрядах. Их появление среди живых не регулировалось религией. Они произвольно бродили по земле, не принадлежа ни к этому, ни к другому миру, беспокойные и злобные, не в силах вырваться из пут земной жизни, в радостях которой они не принимали участия. Так, в *Phædo*[15] мы читаем о душах, "бродящих по гробницам и усыпальницам, возле которых, как нам говорят, видны некие призрачные явления душ, не отошедших в чистоту... Это, должно быть, души не добрых, а злых людей, которые вынуждены бродить по таким местам в наказание за свой прежний злой образ жизни".

Апулей[16] классифицирует для нас духов ушедших. Маны - это добрые люди, которых не стоит бояться, пока их обряды выполняются должным образом, как мы уже видели; лемуры - бесплотные духи; лярвы - призраки, которые преследуют дома. Апулей, однако, совершенно не критичен, и различие между лярвами и лемурами, конечно, не подтверждается фактами.

Ларве обладали ярко выраженными атрибутами и, как считалось, вызывали эпилепсию или безумие. Обычно к ним относились более или менее шутливо,[17] и сейчас говорят о них примерно так же, как мы говорим о гопниках. Похоже, что им поручали мучить мертвецов, как видно из поговорки: "Только лярвы воюют с мертвецами".[18] В "*Апокосинтосе*" Сенеки,[19],

когда вопрос об обожествлении покойного императора Клавдия ставится перед собранием богов, отец Янус высказывает свое мнение, что со смертными больше не следует обращаться подобным образом, и что "всякий, кто, вопреки этому постановлению, впредь будет изображаться, обращаться или рисоваться как бог, должен быть передан лярвам" и подвергнут порке на следующих играх.

Личинка также означает скелет, и Тримальхион, следуя египетскому обычаю, приносит его и ставит на стол во время своего знаменитого пира. Как и следовало ожидать, он из серебра, и миллионер-вольник произносит обычную мораль: "Давайте есть, пить и веселиться, ведь завтра мы умрем".[20]

Ларве были постоянными персонажами фарсов Atellane в Риме, где они исполняли различные "dances macabres". Могут ли они быть прототипами "Плясок смерти", столь популярных в Средние века? Нечто похожее мы находим на известных серебряных кубках, обнаруженных в Боско Реале, хотя сама смерть, похоже, не была изображена подобным образом. Некоторые из рисунков средневековой серии, несомненно, понравились бы среднестатистическому буржуазному римлянину типа Тримальчио - *например*, "Les Trois Vifs et les Trois Morts", трое мужчин, весело скачущих на охоту и встречающих свои собственные скелеты. Такие грубые контрасты - как раз то, что можно было бы ожидать найти в Помпеях.

Лемуры и лярвы часто путают, но Лемуры - это обычное слово, обозначающее мертвых, не находящихся в покое - "лемуры", или духи церковного двора, в некоторых частях современной Италии. Это были злые духи, которых в ранние времена умиляли кровью. Поэтому первые гладиаторские игры проводились в связи с похоронами. И в Греции, и в Риме существовали специальные фестивали для умиротворения этих беспокойных духов. Первоначально они носили публичный характер, поскольку в первобытные времена убийства были обычным делом, и таких духов было много, о чем свидетельствует фестиваль, длившийся три дня.

В Афинах Немезии проводились во время Антистериона (февраль-март). Как и в Риме, дни были несчастливыми. Храмы были закрыты, а дела приостановлены, так как мертвые находились за границей. Утром двери обмазывали смолой, а те, кто находился в доме, жевали белугу, чтобы злые духи. В последний день праздника совершались подношения Гермесу, а мертвым официально предлагалось уйти.[21]

Овидий описывает Лемурийские или Лемуральские праздники.[22] Они проходили в мае, который, соответственно, считался несчастливым месяцем для браков, и до сих пор в Англии так считают почти повсеместно, как и в Риме во времена правления Августа. Название праздника Овидий выводит от имени Рема, поскольку призрак его убитого брата, по преданию, явился Ромулу во сне и потребовал погребения. Отсюда и возникло учреждение Лемурии.

Глава семьи проходил по дому босыми ногами в темное время суток, делая мистический знак вытянутыми первым и четвертым пальцами, остальные пальцы были повернуты внутрь, а большой палец скрещен над ними, на случай, если он может столкнуться с бестелесным духом, когда бесшумно двигался по дому. Это знак "le corna", который в современной Италии считается безотказным средством против дурного глаза. Торжественно омыв руки, он кладет в рот черные бобы, а другие бросает через плечо, говоря: "Этим бобами я искупаю себя и свое". Он повторяет эту церемонию девять раз, не оглядываясь по сторонам, и считается, что духи следуют за ним невидимые и подбирают бобы. Затем он еще раз очищается, бьет в медь и просит демонов покинуть его дом. Повторив девять раз "Manes exite paterni", он

оглядывается вокруг, и церемония завершается, а беспокойные призраки должным образом укладываются на год.

Ламии преследовали комнаты, которые нужно было окуривать серой, а перед тем как изгнать их, проводили некоторые мистические обряды с яйцами.

Умершие, которые еще не упокоились, делились на три класса: умершие раньше времени - αἰροί, которым предстояло скитаться до завершения срока естественной жизни;^[23] умершие насильственной смертью - βίαιαθῆναι; и непогребенные - ἄταφοι. В гимне Гекате, к которой они были особенно привязаны, они представлены как следующие за ней по пятам и участвующие в ее ночных празднествах в человеческом облике. Участь убитых не лучше, и казненные преступники принадлежат к тому же классу.

Считалось, что духи такого рода преследуют место, где лежат их тела. Поэтому их считали демонами, и им часто поручали исполнение странных проклятий, которые находили в гробницах, в колодцах, где утонул человек, или даже в море, написанных на свинцовых табличках, часто справа налево, или странными символами, так, что их невозможно было разобрать, с другой табличкой, прикрепленной к ней с помощью гвоздя, символизирующего связывающий эффект, который, как надеялись, они должны были оказать - "Defixiones", чтобы дать им латинское название, которые очень многочисленны среди надписей. Вера в эти проклятия была настолько реальной, что старец Плиний говорит, что все боялся наложить на себя злые чары;^[24] и они часто упоминаются в античности.

ССЫЛКИ:

[1] *Tusc. Disp.*, i. 16.

[2] *Ov., Fast.*, iv. 821; Fowler, *Roman Festivals*, p. 211.

[3] *Macrobian Sat.*, i. 16.

[4] *Cic., De Leg.*, ii. 22.

[5] "Deum parentem" (*Corn. Nep., Fragm.*, 12).

[6] Cp. Fowler, *Rom. Fest.*

[7] Rohde, *Psyche*, p. 216. Cp. *Herod.*, iv. 26.

[8] *Tusc. Disp.*, i. 12, 27.

[9] Dill, *Roman Society from Nero to Marcus Aurelius*, p. 259 ff.

[10] *De Luctu*, 9.

[11] Carducci, "Rimembranze di Scuola", in *Rime Nuove*.

[12] *Il.*, 23. 64.

[13] "Turpia ossa", 4. 5. 4.

[14] *Paus.*, 9. 32.

[15] 81 D.

[16] *De Genio Socratis*, 15.

[17] Cp. Plautus, *Cas.*, iii. 4. 2; *Amphitr.*, ii. 2. 145; *Rudens*, v. 3. 67 и т. д.; и использование слова "larvatus".

[18] Плиний, *N.H.*, 1, Præf. 31: "Cum mortuis non nisi Larvas luctari".

[19] Сенека, *Апокол.*, 9. Рискую потерять актуальность, я не могу удержаться от того, чтобы не отметить непреходящую природу пословиц, примером которой служит этот раздел. Геракл все больше и больше беспокоится о том, какой оборот принимает спор, и спешит от одного бога к другому, говоря: "Не откажите мне в этой услуге, дело касается меня вплотную. Я не забуду тебя, когда придет время. Один добрый поступок заслуживает другого" (*Manus manum lavat*). Это в точности соответствует неаполитанской пословице: "Одна рука моет другую, и обе вместе моют лицо". "Una mano lava l'altra e tutt'e due si lavano la faccia" - более или менее современная версия. В главе vii. мы также имеем "gallum in suo sterquilino plurimum posse", что соответствует нашему: "Каждый петух лучше всего кукарекает на своем собственном нарзане".

[20] Petr., *Sat.*, 34.

[21] Θύύραζε, κήρες, οὐκέτ' Ἀνθεστήρια. Cp. Rohde, *Psyche*, 217.

[22] *Fast.*, v. 419 ff.

[23] Tertull., *De An.*, 56.

[24] *N.H.*, 28. 2. 19.

II

ВЕРА В ПРИЗРАКОВ В ГРЕЦИИ И РИМЕ

Истории о привидениях играют весьма скромную роль в классической литературе, чего и следовало ожидать. Религия твердолобого, практичного римлянина была в основном формальной и заключалась в точном исполнении тщательно продуманного ритуала. Отношения с мертвыми регулировались с тщательностью, которая могла бы удовлетворить самых воинственных призраков, и, выполнив свою часть сделки, человек больше не беспокоился о своих усопших предках, пока чувствовал, что они, в свою очередь, не пренебрегают его интересами. Однако обычный человек в Риме был рад освободиться от обременительных и дорогостоящих обязанностей по отношению к умершим, которые перешли к нему от прошлых поколений, и изобретательность юристов вскоре придумала систему фиктивных продаж, с помощью которой это можно было успешно и с честью осуществить.[25]

Греческая религия, правда, в значительной степени нашла свое выражение в мифологии; но здравомыслие греческого гения в его лучшие дни позволяло ему не поддаваться чрезмерному суеверию. Только после вторжения восточных культов на Запад в литературе появляются призраки и духи.

Однако вера в призраки существовала во все времена, даже среди образованных людей. Младший Плиний, например, пишет, чтобы узнать мнение своего друга Сура о том, имеют ли призраки реальное существование, свою собственную форму и божественное

происхождение, или же они просто пустой воздух, обязанный своим определенным обликом нашим суеверным страхам.

Не стоит забывать, что Суетоний, чье суеверие вошло в поговорку, был другом Плиния и однажды написал ему, умоляя отложить дело, которым он занимался, так как был напуган сном. Хотя Плиний, конечно, не обладал удивительной доверчивостью своего друга, он отнесся к просьбе со всей серьезностью и пообещал сделать все возможное, но добавил, что главный вопрос заключается в том, правдивы ли обычно сны Суетония или нет. Затем он рассказывает, как однажды ему явилась его теща и умоляла отказаться от дела, за которое он взялся. Однако, несмотря на это страшное предупреждение, он продолжал упорствовать, и хорошо, что он так поступил, потому что это дело стало началом его успешной карьеры в адвокатуре.[26] Его дядя, старший Плиний, похоже, больше верил в свои сны и написал свой рассказ о германских войнах исключительно потому, что ему приснилось, будто ему явился Друз и умолял сохранить его имя от забвения.[27]

Плинии, несомненно, были двумя самыми способными и просвещенными людьми своего времени; и вера в ценность снов, конечно, еще не исчезла среди нас. Если у нас есть книга Артемидора по этому вопросу для древнего мира, то у нас есть и современная "Сморфия", столь дорогая сердцу неаполитанца, играющего в лото, в которой каждому мыслимому предмету, который может присниться, присваивается особый номер - не исключая "и murtu che parl'" (мертвец, который говорит) - для руководства верующему игроку при выборе номеров, на которые он должен играть в течение недели.

Плутарх очень верил в призраков и видения. В своей "Жизни Диона"[28] он отмечает тот необычный факт, что и Дион, и Брут были предупреждены о приближающейся смерти страшным призраком. "Утверждается, - добавляет он, - что ни один человек в здравом уме никогда не видел призрака: это иллюзорные видения женщин и детей или людей, чей интеллект ослаблен каким-то физическим недугом, и которые верят, что их больное воображение имеет божественное происхождение. Но если Дион и Брут, люди сильного и философского ума, чье понимание не было затронуто никакими конституциональными недугами, - если такие люди могли настолько верить в появление призраков, что рассказывали о них своим друзьям, я не вижу причин, почему мы должны отступать от мнения древних, что у людей были свои злые гении, которые беспокоили их страхами и расстраивали их добродетели..."

В начале "*Филопсевд*" Лукиан спрашивает, что заставляет людей так любить ложь, и комментирует их восторг от романтизации самих себя, который можно сравнить только с искренним вниманием, с которым они принимают усилия других людей в том же направлении. Далее Тихиад описывает свой визит к Эвкрату, выдающемуся философу, который был болен в постели. С ним были стоик, перипатетик, пифагореец, платоник и врач, которые начали рассказывать такие абсурдные истории и изобиловать такими чудовищными суевериями, что он в конце концов покинул их в отвращении. Никто из нас, конечно, никогда не присутствовал на подобных сборищах, где, начав с неизбежной загадки Гламиса, каждый в комнате принимался за работу, чтобы превзойти своего соседа в чудесных выдумках, используя свое воображение для дополнительного материала и, подобно Эвкрату, будучи готовым поставить на карту жизнь своих детей за свою правдивость.

Другим насмешником был Демокрит из Абдеры, который был настолько твердо убежден в несуществовании призраков, что поселился в гробнице и жил там днем и ночью в течение долгого времени. Классические призраки, похоже, предпочитали черный, а не белый цвет.

Среди особенностей жутких развлечений, которыми Домициан любил пугать своих сенаторов, были красивые мальчики, которые появлялись обнаженными с выкрашенными в черный цвет телами, как призраки, и исполняли дикий танец. [29] На следующий день одного из них обычно посылали в подарок каждому сенатору. Некоторые мальчики из соседнего города хотели поколебать неверие Демокрита, поэтому они оделись в черное, надели на головы маски, похожие на черепа, и танцевали вокруг гробницы, где он жил. Но, к их досаде, он лишь высунул голову и сказал, чтобы они убирались прочь и перестали разыгрывать дураков.

Греческие и римские истории едва ли соответствуют стандартам, предъявляемым Обществом психических исследований. Они носят исключительно народный характер, а призрак рассматривается как умерший человек, которому силы нижнего мира разрешили или запретили общаться с оставшимися в живых на земле. Естественно, они никогда не подвергались критическому исследованию, и в них нет никаких предвестий современных теорий, согласно которым явление, если оно вызвано умершим, не обязательно является умершим, хотя и может быть признаком того, что "после смерти действует некая сила, которая каким-то образом связана с человеком, ранее известным на земле", или что явления могут быть чисто локальными или полностью обусловлены субъективной галлюцинацией со стороны человека, наблюдающего их. Как ни странно, мы редко встречаем интересные случаи, повсеместно так хорошо засвидетельствованные, когда люди появляются как раз в момент своей смерти перед друзьями или родственниками, к которым они особенно привязаны, или с которыми они заключили договор, что появятся, если те умрут первыми, если это будет возможно. Классическим примером этого является известная история лорда Броума, который, принимая теплую ванну в Швеции, увидел своего школьного друга, которого он не видел уже много лет, но с которым когда-то давно "совершил глупость, составив соглашение, написанное нашей кровью, о том, что кто бы из нас ни умер первым, он должен явиться другому, и таким образом разрешить все сомнения, которые мы испытывали по поводу жизни после смерти". Однако существует ряд историй об уходе душ, которые любопытно напоминают некоторые из тех, что были собраны Обществом психических исследований в четвертой книге "Диалогов" Григория Великого.

Еще одно заметное отличие заключается в том, что явления в большинстве хорошо проверенных современных историй о привидениях носят утешительный характер, в то время как в древнем мире почти все наоборот. Это различие мы можем отнести на счет полного изменения аспекта будущей жизни, которым мы обязаны современному христианству. Как мы уже видели, в жизни после смерти, как ее представляли старые языческие религии, было мало утешительного, а в средневековые времена ужасы ада рисовались в самых ярких красках и подчеркивались больше, чем радости рая.

ССЫЛКИ:

[25] Cic., *Murena*, 27.

[26] Ep., i. 18.

[27] *Ibid.*, 3. 5. 4.

[28] Гл. II

[29] Дио Касс., *Домициан*, 9.

III

ИСТОРИИ О ПРИВИДЕНИЯХ

В письме к Суру[30] младший Плиний рассказывает то, что можно принять за прототип всех последующих историй о домах с привидениями. Когда-то в Афинах был просторный старый дом, в котором никого не могли уговорить жить. В темноте ночи раздавался звон цепей, сначала отдаленный, несомненно, из сада позади или внутреннего двора дома, затем постепенно приближающийся, пока, наконец, не появилась фигура старика с длинной бородой, худого и истощенного, с цепями на руках и ногах. В конце концов дом был покинут, и в нем появилось объявление о сдаче в аренду или продаже по абсурдно низкой цене. Философ Афинодор прочитал объявление по прибытии в Афины, но небольшая сумма, которую за него просили, вызвала у него подозрения. Однако, как только он услышал эту историю, он снял дом. Он устроил себе постель на переднем дворе, недалеко от главной двери, уволил рабов и приготовился провести там ночь, читая и записывая, чтобы не дать своим мыслям устремиться к призраку. Некоторое время он работал, ничего не предпринимая, но конце концов вдалеке послышался лязг цепей. Афинодор не поднял глаз и не прекратил работу, но, не отрываясь, прислушался. Звуки постепенно приближались и наконец проникли в комнату, где он сидел. Тогда он обернулся и увидел явление. Оно манило его за собой, но он приказал ему подождать и продолжил работу. Только когда оно подошло и загрохотало цепями над самой его головой, он взял лампу и последовал за ним. Фигура медленно продвигалась вперед, казалось, отягощенная тяжелыми цепями, пока не достигла открытого пространства во дворе. Там она исчезла. Афинодор отметил это место листьями и травой, а на следующий день в присутствии магистрата раскопали землю и обнаружили скелет человека с несколькими ржавыми цепями. Останки были похоронены со всеми церемониями, и явление больше не видели.

Лукиан рассказывает ту же историю в *"Филопсевде"* с некоторыми нелепыми дополнениями, полностью соответствующими обстановке.

Почти точно такую же историю сохранил Роберт Уодроу, неутомимый коллекционер, в записной книжке, которая, судя по всему, должна была стать основой научной коллекции чудесных историй. Уодроу умер в начале восемнадцатого века. Гилберт Рул, основатель и первый директор Эдинбургского университета, однажды добрался до заброшенного трактира в одиноком месте на Грампианах. Гостиница была переполнена, и ему пришлось устроиться на ночлег в доме неподалеку, который пустовал уже тридцать лет. "Он походил некоторое время по комнате, - рассказывает Уодроу,[31], - предался Божьей защите и лег в постель. На столе оставались две свечи, которые он потушил. Оставался большой яркий огонь. Не успел он лечь в постель, как дверь комнаты отворилась, и в комнату вошло явление в виде сельского торговца, который, не говоря ни слова, распахнул шторы. Мистер Рул решил ничего не предпринимать, пока оно не заговорит или не нападет на него, но с полным спокойствием лежал неподвижно, предоставив себя Божественной защите и руководству. Явление подошло к столу, зажгло две свечи, поднесло их к кровати и сделало несколько шагов к двери, не отрывая взгляда от кровати, словно желая, чтобы мистер Рул поднялся и последовал за ним. Мистер Рул все еще лежал неподвижно, пока не увидел, что его путь свободен. Затем явление, которое все это время не говорило, приняло эффективный способ поднять доктора. Он вернул свечи на стол, подошел к камину и, взяв щипцами разгоревшиеся угли, положил их на пол палаты. Тогда доктор решил, что пора встать и одеться, во время чего призрак снова сложил угли в дымоход и, подойдя к столу, поднял

свечи и, подойдя к двери, открыл ее, все еще глядя на директора, как бы желая, чтобы тот последовал за свечами, что он, думая, что в этом деле есть что-то необычное, после обращения к Богу за указанием, склонился сделать. Призрак спустился по нескольким ступеням вместе свечами и ввел их в долгий транс, в конце которого была лестница, ведущая в низкую комнату. По ней призрак спустился, опустил, поставил светильники на самую нижнюю ступеньку лестницы и сразу же исчез".

"Ученый директор, - продолжает Бертон, - чье мужество и хладнокровие заслуживают самой высокой оценки, прикурил от свечи и безмятежно провел остаток времени в постели. Будучи человеком весьма проницательным, он, поразмыслив над своим приключением, сообщил шерифу графства, "что, по его мнению, в этом деле имело место убийство". Камень, на котором стояли свечи, был поднят, и там "были найдены останки человеческого тела и кости, к всеобщему удивлению". Однако предполагалось, что это было старое дело, и никаких следов убийцы обнаружить не удалось. Рул взял на себя функции детектива, приложив к этому влияние своей профессии. Он произнес по этому случаю большую проповедь, на которую были созваны все окрестные жители; и вот во время его проповеди старик лет восьмидесяти проснулся, упал и зарыдал, и перед всей компанией признал, что в здании этого дома он был убийцей".

Основные черты этой истории мало изменились с течением веков, за исключением такого важного момента, как осуждение убийцы, которое в греческой истории происходило бы совсем по-другому. Несомненно, подобную историю можно найти в фольклоре почти любого народа.

Плутарх[32] рассказывает, как в его родном городе Херонея некий Дамон был убит в какой-то бане. Призраки продолжали преследовать это место и после этого, слышались таинственные стоны, так что в конце концов двери были замурованы. "И по сей день, - продолжает он, - живущие поблизости люди воображают, что видят странные зрелища и пугаются горестных криков".

Из слов Плавта совершенно ясно, что истории о привидениях, даже если они не воспринимались всерьез, вызвали широкий интерес у среднего римлянина его времени, так же как и у среднего британца нашего времени. Они, несомненно, обсуждались в полушутливой форме. Считалось, что явления пугают людей, как и в наши дни, хотя хорошо проверенные истории о подобных явлениях свидетельствуют о том, что настоящие призраки, или как их еще можно назвать, обладают способностью парализовать страх.

В *"Мостеллари"*[33] Плавтус использует привидение как признанный элемент сверхъестественного механизма. Регулирующий отец римской комедии уехал в путешествие, а сын тем временем, как обычно, почти достиг конца состояния своего отца. Отец неожиданно возвращается, и сын в отчаянии обращается за помощью к своему верному рабу Транио. Транио оказывается на высоте и берется снова прогнать неудобного родителя. Он рассказывает о явлении, которое видел, и объявляет, что это призрак незнакомца из-за моря, который умер уже шесть лет назад.

"Здесь я должен обитать, - объявило оно, - ибо боги нижнего мира не примут меня, поскольку я умер раньше срока. Мой хозяин убил меня, своего гостя, злодея, которым он был, за золото, которое я нес, и тайно похоронил меня, без погребальных обрядов, в этом доме. Уходи отсюда, ибо это проклятая и нечестивая земля". Этой истории отцу было достаточно. Он прислушивается к совету и не возвращается, пока Транио и его послушный сын не будут полностью готовы к его приходу.

Повсеместно считается, что на полях великих сражений обитают привидения. Тацит[34] рассказывает, как во время осады Иерусалима Титом в небе видели сражающиеся армии; а гораздо позже, после великой битвы с Аттилой и гуннами, под стенами Рима три дня и три ночи сражались призраки мертвых, и был отчетливо слышен звон их оружия.[35] Марафон не является исключением из правил. Павсаний[36] утверждает, что в любую ночь здесь можно услышать ржание лошадей и бой людей. Специальное посещение этого зрелища никогда не приносило никому добра; но на того, кто невольно заглянет туда, духи не сердятся. Он добавляет, что жители Марафона почитают павших в битве людей как героев, а кто может быть более достоин такой чести, чем они? Сама битва не обошлась без чудес. Афинянин Эпицел рассказывал, как в гуще боя над ним стоял огромный гоплит, чья борода заслоняла весь его щит. Явление прошло мимо него и убило того, кто стоял рядом, но Эпизелус вышел из боя слепым и оставался таким до конца жизни.[37] Плутарх[38] также рассказывает о месте в Беотии, где произошла битва, что там протекает ручей, и что людям кажется, что они слышат пыхтение лошадей в ревущих водах.

Но самый странный рассказ о привычных привидениях на полях великих сражений можно найти в *"Героике"* Филострата, где духи гомеровских героев все еще тесно связаны с Троей и ее окрестностями. Насколько эти истории основаны на местной традиции, сказать невозможно; их рассказывает виноградарь, который утверждает, что живет под защитой Протесилая. Однажды ему грозило насильственное изгнание всего имущества, когда призрак Протесилая явился потенциальному грабителю в видении и поразил его слепотой. Великий человек был так напуган этим событием, что не стал продолжать свои злодеяния, а виноградарь с тех пор продолжает обрабатывать то, что осталось от его собственности, под защитой героя, с которым он живет в самых близких отношениях. Протесилай часто приходит к нему во время работы и ведет с ним долгие беседы, а он не подпускает к земле диких зверей и болезни.

Не только Протесилая, но и его людей, да и вообще практически всех "гигантов могучей кости и смелой прыти", сражавшихся вокруг Трои, можно увидеть ночью на равнине, одетых как воины, с развевающимися плюмажами. Жители с большим интересом следят за этими явлениями, и это вполне обоснованно, ведь от них зависит очень многое. Если герои покрыты пылью, значит, грядет засуха, если потом - предвещают дождь. Кровь на их руках означает чуму; если же они явятся без каких-либо отличительных знаков, все будет хорошо.

Хотя герои мертвы, их нельзя безнаказанно оскорблять. В народе считалось, что Аякс, благодаря форме, которую принимало его безумие, несет особую ответственность за все несчастья, которые могут постигнуть стада и отары. Однажды пастухи, которым не повезло со скотом, окружили его гробницу и издевались над ним, приводя в пример все слабые стороны его земной карьеры, описанные Гомером. Наконец их терпение лопнуло, и в гробнице раздался грозный голос и лязг доспехов. Преступники в ужасе разбежались, но не пострадали.

В другой раз несколько незнакомцев играли в шашки возле его святилища, когда появился Аякс и попросил их прекратить игру, так как она напомнила ему о Паламеде.

Гектор был гораздо более опасным человеком. Максим из Тира[39] рассказывает, что жители Илиума часто видят его, несущегося по равнине глубокой ночью в сверкающих доспехах - поистине гомеровская картина. Максимус, правда, не может похвастаться тем, что видел Гектора, хотя и ему случалось видеть видения. Он видел Кастора и Поллукса, как звезды-близнецы, над своим кораблем, направляя его во время бури. Эскулап также

Геракл видел его не во сне, а наяву. Но вернемся к Гектору. Филострат рассказывает, что однажды несчастный мальчик оскорбил его так же, как пастухи обошлись с Аяксом. Гомер, однако, не удовлетворил этого мальчика и на прощание заявил, что статуя в Илиуме на самом деле изображает не Гектора, а Ахилла. Сразу же ничего не произошло, но вскоре после этого, когда мальчик ехал на пони, Гектор появился в виде воина в ручье, который, как правило, был настолько мал, что даже не имел названия. Было слышно, как он кричал на чужом языке, преследуя мальчика в ручье, и в конце концов догнал и утопил его вместе с пони. После этого тела так и не были найдены.

Филострат сообщает нам множество подробностей о гомеровских героях, которые виноградарь почерпнул в беседах с Протесилеем. Большинство героев можно легко узнать. Ахилл, например, вступает в беседу с разными людьми, выходит на охоту. Его можно узнать по росту, красоте и ярким доспехам, а когда он пронесется мимо, его обычно сопровождает вихрь - ποδὶφκῆς, δῖος, даже после смерти.

Затем мы слышим историю о Белом острове. Елена и Ахилл полюбили друг друга, хотя никогда не встречались - один скрывался в Египте, другой сражался перед Троей. В окрестностях Трои не было места, подходящего для их вечной совместной жизни, поэтому Фетида обратилась к Посейдону с просьбой подарить им остров, где они могли бы жить. Посейдон согласился, и в Черном море, недалеко от устья Дуная, вырос Белый остров. Там Ахилл и Елена, самый мужественный из мужчин и самая женственная из женщин, впервые встретились и впервые обнялись; на свадьбу пришли и сам Посейдон, и Амфитрита, и все nereиды, и столько речных богов и духов, сколько обитает у Эвксинского моря и Мейотиса. Остров густо покрыт белыми деревьями и вязами, которые растут в правильном порядке вокруг святилища; на нем живут белые птицы, благоухающие соленым морем, которых Ахилл, как говорят, приручил по своей воле, чтобы они сохраняли прохладу на полянах, обмахивая их своими крыльями и разбрасывая брызги, когда они летят по земле, едва поднимаясь над ней. Для людей, плывущих по широкому лону моря, остров священен, когда они высаживаются на берег, ибо он лежит как гостеприимный дом для их кораблей. Но ни те, кто плывет к нему, ни греки и варвары, живущие вокруг Черного моря, не могут построить на нем дом; все, кто бросает там якорь и приносит жертвы, должны выходить на берег на закате. Ни один мужчина не может провести ночь на острове, и ни одна женщина не может даже высадиться на берег. Если ветер благоприятен, корабли должны отплыть; если нет, они должны бросить якорь в бухте и спать на борту. Говорят, что по ночам Ахилл и Елена пьют вместе и поют друг другу о любви, о войне и о Гомере. Теперь, когда битвы закончились, Ахилл развивает дар песни, полученный им от Каллиопы. Их голоса звучат над водой чисто и по-божески, и моряки сидят, дрожа от волнения, слушая их. Те, кто бросил там якорь, заявили, что слышали ржание лошадей, лязг оружия и крики, подобные тем, что раздаются во время битвы.

Максим Тирский[40] также описывает остров и рассказывает, как моряки часто видели на нем светловолосого юношу, танцующего воинственный танец в золотых доспехах; и как однажды, когда один из них невольно задремал там, Ахилл разбудил его, отвел в свой шатер и стал развлекать. Патрокл наливал вино, Ахилл играл на лире, а сама Фетида, как говорят, присутствовала с хором других божеств.

Если они бросают якорь на севере или на юге острова, и поднимается ветер, делающий гавани опасными, Ахилл предупреждает их и велит сменить место стоянки и избежать ветра. Моряки рассказывают, что, "когда они впервые видят остров, они обнимают друг друга и разражаются слезами радости. Затем они причаливают, целуют землю и идут в храм, чтобы

помолиться и принести жертву Ахиллу". Жертвы по собственной воле стоят перед алтарем, в зависимости от размера корабля и количества людей на борту.

Павсаний также упоминает Белый остров.[41] Однажды Леоним, ведя жителей Кротона против италийских локрийцев, напал на то место, где, как ему сообщили, в фургоне находился Аякс Ойлей, к которому жители Локриса обратились за помощью. Согласно Конону,[42] который, образом, называет героя Автолеоном, когда жители Кротона отправились на войну, они также оставили вакантное место для Аякса в авангарде своего строя. Как бы то ни было, Леоним был ранен в грудь, а поскольку рана не заживала и сильно ослабела, он обратился за советом в Дельфы. Бог посоветовал ему плыть к Белому острову, где Аякс исцелит его от раны. Он отправился туда и получил должное исцеление. Вернувшись, он рассказал об увиденном - о том, что Ахилл теперь женат на Елене; и именно Леоним сказал Стесихору, что его слепота вызвана гневом Елены, и тем самым побудил его написать *"Палинод"*.

Говорят, что сам Ахилл однажды явился торговцу, который часто посещал остров. Они поговорили о Трое, а затем герой напоил его вином и велел отплыть и привезти ему некую троянскую деву, которая была рабыней одного из жителей Илиума. Торговец был удивлен такой просьбой и осмелился спросить, зачем ему троянская рабыня. Ахилл ответил, что она из того же рода, что и Гектор и его предки, и принадлежит к крови сыновей Приама и Дардана. Торговец решил, что Ахилл влюбился в девушку, и в следующий свой приезд на остров взял ее с собой. Ахилл поблагодарил его и велел оставить девушку на корабле, несомненно, потому, что женщинам не разрешалось высаживаться на берег. Вечером его развлекали Ахилл и Елена, и хозяин дал ему большую сумму денег, пообещав сделать его своим гостем-другом и принести удачу его кораблю и его делу. На рассвете Ахилл отпустил его, велел оставить девушку на берегу. Когда они удалились от острова на расстояние около фурта, до их слуха донесся ужасный крик девушки, и они увидели, как Ахилл разрывает ее на части, отрывая конечности.

В этом жестоком дикаре невозможно узнать рыцарского героя Гомера, пожертвовавшего успехом десятилетней войны, которая велась изначально ради спасения одной женщины, ради горя от потери другой, и тем самым давшего возможность назвать *"Илиаду"* величайшей любовной поэмой из когда-либо написанных. Невозможно не чувствовать, что остров блаженных Пиндара, куда его привезла Тетис, чья материнская молитва тронула сердце Зевса, чтобы он жил вместе с Кадмом и Пелеем, - это истинный дом Ахилла; или остров героев всех времен, описанный Кардуччи, где король Лир сидит и рассказывает Эдипу о своих страданиях, а Корделия обращается к Антигоне: "Приди, моя греческая сестра! Мы будем петь о мире нашим отцам". Елена и Исеулт, молчаливые и задумчивые, бродят под сенью миртов, а заходящее солнце целует их золотые волосы своими раскаленными лучами. Елена смотрит на море, а царь Марк раскрывает объятия Исеулт, и ее прекрасная головка опускается на могучую бороду. Клитемнестра стоит на берегу вместе с королевой шотландцев. Они купают свои белые руки в волнах, но волны отступают, набухая красной кровью, а стенания несчастных женщин эхом разносятся по скалистому берегу. Среди этих героических душ Шелли единственный из современных поэтов - дух Титана в девичьем облике - может найти место, по словам Кардуччи, выхваченный Софоклом из живых объятий Фетиды.[43]

ССЫЛКИ:

- [30] *Ep.*, vii. 27.
- [31] Бертон "Охотник за книгами": Роберт Уодроу.
- [32] *Кимон*, i.
- [33] II. 5. 67.
- [34] *Hist.*, v. 13.
- [35] Дамасий, *Vita Isidori*, 63.
- [36] I. 32. 4.
- [37] *Herod.*, vi. 117.
- [38] *Параллель*, 7.
- [39] *Dissert.*, 15. 7.
- [40] *Dissert.*, 15. 7.
- [41] 3. 19. 12.
- [42] *Narr.*, 18.
- [43] G. Carducci, "Presso l'urna di P.B. Shelley," in the *Odi Barbare*.

IV

НЕКРОМАНТИЯ

Вера в то, что можно вызывать души умерших с помощью заклинаний, была почти универсальной в древности. Мы знаем, что даже Саул, который сам изгнал из земли тех, кто имел знакомых духов и волшебников, переоделся и пошел с двумя другими людьми посоветоваться с ведьмой из Эн-Дора; та вызвала дух Самуила по его просьбе; Самуил спросил Саула: "Зачем ты беспокоишь меня, чтобы вызвать меня?", а затем предсказал его гибель и смерть от рук филистимлян на горе Гильбоа. В классической литературе мы находим частые упоминания об этой практике. Старец Плиний[44] сообщает нам интересную информацию о том, что духи отказываются повиноваться людям, страдающим веснушками.

Всегда существовали определенные места, освященные традицией как особенно благоприятные для общения с мертвыми или даже как фактические входы в нижний мир. Например, в Гераклее в Понте был знаменитый Ἡρώδης τοῦ Πόντου, или место, где можно было вызывать души умерших и советоваться с ними, так как считалось, что Геракл притащил сюда Цербера.

Цербера на землю. Другие места, предположительно связанные с этим мифом, имели сходную легенду, как и все места, где Плутон, как считалось, унес Персефону. Таким образом, мы слышим о входе в Аид в Элевсисе, [45] в Колонусе, [46] в Энне на Сицилии, [47] и,

наконец, в прекрасном бассейне Киана, вверх по реке Анапус, недалеко от Сиракуз, одном из немногих потоков, в которых до сих пор процветает папирус.[48] Озера и моря также часто считались входами в Аид.[49]

Существование сернистых паров легко порождало веру в то, что некоторые места находятся в прямой связи с нижним миром. Так было в Кумах, где Эней советовался с Сибиллой, и в Колонусе; а в Иераполисе во Фригии находился знаменитый "Плутоний", к которому могли безопасно подойти только жрецы Кибелы.[50] Она располагалась под храмом Аполлона, являясь настоящим входом в Аид; несомненно, именно на нее ссылается Цицерон, когда говорит о смертоносной "Плутонии", которую он видел в Азии.[51] Эти "Плутонии" или "Харонии", по сути, являются местами, где присутствуют сефитические испарения, как в Гроте дель Кане и других местах в окрестностях Неаполя и Поццуоли. Жрецы, должно быть, либо привыкли к этим испарениям, либо научились каким-то способам борьбы с ними; в противном случае их жизнь вряд ли была приятнее, чем у несчастной собаки, которую выставляли в Неаполитанском гроте, хотя контроль за этими очень реалистичными входами в царство Плутона, должно быть, был очень прибыльным делом, вполне стоившим некоторых личных неудобств. Другие упоминаются Страбоном в Магнезии и Миусе,[52], и еще один был в Циллине, в Аркадии.

Кроме того, существовало множество специальных храмов или мест, где можно было вызвать и проконсультироваться с душами умерших, которые, как считалось, обладают знанием будущего, например, храм в Фигалии, в Аркадии, храм в Фигалии, в Аркадии, которым пользовался спартанский полководец Павсаний;[53] или νεκουραντήιον, оракул мертвых, у реки Ахерон, в Тrespотии, к которому прибегал Периандр, знаменитый тиран Коринфа;[54] и именно здесь, по словам Павсания, Орфей спустился в нижний мир в поисках Эвридики.

Лукиан[55] рассказывает, что только с разрешения Плутона мертвые могли вернуться к жизни, и их неизменно сопровождал Меркурий. Следовательно, оба этих бога регулярно упоминались в молитвах и заклинаниях, используемых в таких случаях. Как правило, призывались только души недавно умерших, поскольку считалось, что они будут испытывать больший интерес к миру, который только что покинули, и к друзьям и отношениям, которые еще живы и к которым они действительно привязаны. Не то чтобы было невозможно при желании вызвать призраки давно умерших людей. Даже Орфей и Хекропс не были недостижимы для призыва, а Аполлоний Тианский утверждал, что поднял тень Ахилла.[56]

Изначально все оракулы были посвящены Персефоне и Плутону и во многом опирались на некромантию, а змея была эмблемой пророческой силы. Поэтому, когда Аполлон, бог света, претендовал на владение оракулами как победитель тьмы, змея обвинилась вокруг его треножника в качестве эмблемы, а его жрица стала называться Пифией. Когда Александр установил свой знаменитый оракул, описанный Лукианом, первым шагом к утверждению его репутации стала находка живой змеи в яйце в озере. Находка, конечно же, была заранее организована Александром и его единомышленниками.

До нас дошли рассказы о работе этих оракулов мертвых, особенно о том, который был связан с Авернским озером, расположенным недалеко от Неаполя. Цицерон[57] описывает, как из этого озера "тени, духи мертвых, вызываются в густом мраке устья Ахерона соленой кровью"; а Страбон приводит слова раннего греческого историка Эфора о том, что даже в его время "жрецы, воскрешающие мертвых из Авернуса, живут в подземных жилищах, сообщаясь друг с другом подземными ходами, через которые они водили тех, кто хотел посоветоваться с оракулом, скрытым в недрах земли". "Недалеко от Авернского озера, - пишет Максим Тирский, - находилась оракулярная пещера, получившая свое название от вызывания

мертвых. Те, кто приходил посоветоваться с оракулом, после повторения священной формулы, возлияний и заклания жертв, призывали дух друга или родственника, с которым хотели посоветоваться. Тогда он появлялся, бесплотная тень, трудно различимая, но наделенная человеческим голосом и искусная в пророчествах. Ответив на поставленные вопросы, она исчезала". Сразу же бросается в глаза сходство этого рассказа со спиритическими сеансами знаменитой Евсапии в той же части света, не так давно. В большинстве случаев тех, кто консультировался с оракулом, вероятно, устраивало услышать голос мертвеца или увидеть его во сне, так что некоторые знания чрево вещания или способности к гипнозу или внушению часто были достаточным товаром для тех, кто ими руководил.

Такие консультации с мертвыми, должно быть, были очень распространены в античности. Об этом упоминают и Платон[58], и Еврипид[59]; а вера в то, что мертвые могут знать будущее, которая, похоже, укоренилась в человеческой природе, придавала этим оракулам огромную силу. Так, Цицерон рассказывает[60], что Аппий часто обращался к "душевым оракулам" (psychomantia), а также упоминает о человеке, который прибегнул к помощи одного из них, когда его сын серьезно заболел.[61] Поэты, конечно же, свободно использовали эту предполагаемую пророческую силу мертвых. Тень Полидора, например, говорит прологе "Гекубы", а появление мертвой Креусы в "Энеиде" известно всем. В "Персах" Эсхил заставляет тень Дария не знать обо всем, что произошло после его смерти, и таким образом может ввести свое знаменитое описание битвы при Саламине; но Дарий, тем не менее, обладает знанием будущего и поэтому может дать нам столь же яркий рассказ о битве при Платее, которая еще не состоялась. Тень Клитемнестры в "Эвменидах", однако, не пророчествует.

Плиний упоминает о вере в то, что мертвые обладают пророческими способностями, но заявляет, что на них не всегда можно положиться, о чем свидетельствует следующий пример.[62] Во время Сицилийской войны Габием, самый храбрый человек во флоте Цезаря, был захвачен Секстом Помпеем и обезглавлен по его приказу. Целый день труп лежал на берегу, голова была почти отрезана от тела. Ближе к вечеру собралась большая толпа, привлеченная его стоном и молитвами, и он умолял Секста Помпея прийти к нему самому или прислать кого-нибудь из его друзей, так как он вернулся из мертвых и должен был что-то ему рассказать. Помпей прислал друзей, и Габием сообщил им, что дело Помпея нашло поддержку у богов внизу и было правильным, и что ему было велено объявить, что все закончится так, как он хочет. Чтобы доказать истинность своих слов, он объявил, что умрет немедленно, что и произошло на самом деле.

Подобное знание мертвыми будущего встречается не в одной современной истории о призраках, где явление, по-видимому, явилось с явной целью предупредить тех, кого оно любило на земле, о приближающейся опасности. Возьмем, к примеру, историю[63], в которой жена, лежащая в постели со своим мужем, вдруг видит джентльмена, одетого в полную военно-морскую форму, сидящего на кровати. Она была слишком изумлена, чтобы испугаться, и разбудила мужа, который "секунду или две лежал, глядя с сильным изумлением на незваного гостя; затем, немного приподнявшись, он закричал: "Что вы здесь делаете, сэр?". Тем временем фигура, медленно приходя в вертикальное положение, произнесла властным, но в то же время укоризненным голосом: "Вилли! Вилли!" и затем исчезла". Ее муж встал, отпер дверь и обыскал дом, но ничего не нашел. Вернувшись, он сообщил жене, что это был его отец, которого она никогда не видела. Он ушел с флота еще до рождения сына, и сын, таким образом, видел отца в форме всего несколько раз. Впоследствии выяснилось, что

ее муж собирался заняться спекуляциями, которые, если бы он это сделал, стали бы его гибелью; но, к счастью, это видение отца произвело на него такое впечатление, что он полностью отказался от этой идеи.

Лукан[64] описывает, как Секст Помпей отправился посоветоваться с Эрихто, одной из знаменитых фессалийских ведьм, о перспективах успеха его отца против Цезаря во время кампании, закончившейся катастрофическим поражением при Фарсалии. Решено, что мертвеца нужно вернуть к жизни, и Эрихто отправляется туда, где недавно произошла стычка, и выбирает тело мужчины с перерезанным горлом, которое лежало там непогребенным. Она тащит его в свою пещеру и наполняет его грудь теплой кровью. Она выбрала человека, недавно умершего, потому что его слова, скорее всего, будут ясными и четкими, чего не скажешь о человеке, давно привыкшем к нижнему миру. Затем она оmyвает его, использует различные волшебные травы и зелья и молится богам нижнего мира. Наконец она видит, что тень человека, чье безжизненное тело лежит перед ней, стоит рядом и смотрит на оставленные конечности и ненавистные узы своей бывшей тюрьмы. Разгневанная задержкой и медленным действием своих заклинаний, она хватается за живую змею и бьет ею труп. Даже последнего блага смерти, силы умирать, бедняга лишается. Медленно жизнь возвращается в тело, и Эрихто обещает, что если мужчина скажет правду, то она похоронит его так эффектно, что никакие заклинания не смогут вернуть его к жизни. Он слабеет и теряет сознание, как умирающий, но в конце концов рассказывает ей все, что она хочет знать, и снова умирает. Она исполняет свое обещание и сжигает тело, используя всевозможные магические заклинания, чтобы никто не смог снова потревожить тень. Действительно, вызывать тень из нижнего мира более раз было необычно, за исключением случаев с очень известными личностями. Подобная магия почти всегда проводилась ночью. Стаций[65] также дал нам длинный и характерный для него подробный рассказ о вызове тени Лая Этеоклом и Тиресием.

Апулей,[66] в своем поистине удивительном рассказе о Фессалии своего времени, подробно описывает процесс возвращения трупа к жизни. "Затем пророк взял определенную траву и трижды приложил ее ко рту мертвеца, а другую положил на грудь. Затем, обратившись к востоку с тихой молитвой о помощи святого солнца, он обратил внимание собравшихся на великое чудо, которое он совершал. Постепенно грудь трупа начала раздуваться при дыхании, артерии пульсировать, а тело наполняться жизнью. Наконец мертвец сел и спросил, почему его вернули к жизни, а не оставили в покое".

Вспоминается покойник, которого несут хоронить и который встречает Диониса в Аиде, в *"Лягушках"* Аристофана, и выражает желание, чтобы его снова оживили, если он сделает то, что от него требуется. Если призраки часто изображаются как "все не желающие покидать тело, которое они любят", то, как правило, они так же не желают возвращаться в него, когда уже покинули его, хотя не совсем ясно, является ли процесс возвращения или продолжение жизни, которую они покинули, отвратительным для них. Болезненность процесса возвращения к жизни после утопления, кажется, говорит в пользу первого объяснения.

Эти случаи воскрешения, конечно, сильно отличаются от обычной некромантии - вызова тени умершего человека из нижнего мира, чтобы спросить у нее совета с помощью профессионального прорицателя. По мере упадка религиозной веры и распространения восточных суеверий и веры в магию некромантия становилась все более распространенной. Даже Цицерон обвиняет Ватиния[67] в том, что он вызывал души умерших и имел привычку приносить в жертву манам внутренности мальчиков. Тацит упоминает молодого человека, пытавшегося воскресить мертвых с помощью заклинаний[68], а Плиний[69] говорит о

некромантии как о признанной ветви магии, а Ориген причисляет ее к преступлениям магов своего времени.

Убив свою мать, Нерон часто заявлял, что его беспокоит ее дух, а также плети и пылающие факелы фурий.^[70] Можно было бы предположить, что сходство его преступления и наказания с Орестом доставило бы огромное удовольствие человеку с театральным темпераментом Нерона; однако нам сообщают, что он часто пытался вызвать ее призрак и уложить его с помощью магических обрядов. Нерон, однако, получал особое удовольствие, вызывая духов мертвых, согласно Плинию Старшему,^[71] который добавляет, что даже чары его собственного пения и актерской игры не имели для него большей привлекательности.

Помимо телесных болезней, Каракалла был явно безумен и часто страдал от галлюцинаций, воображая, что его изгоняют отец, а также брат Гета, которого он убил на руках у матери, и что они преследуют его с занесенными мечами в руках. Наконец, в качестве отчаянного средства, он попытался найти лекарство с помощью некромантии и вызвал, среди прочих, тень своего отца, Септимия Севера, а также тень Коммода. Но все они, за исключением Коммода, отказались с ним разговаривать; ходили даже слухи, что тень Северуса сопровождается тенью убитого Геты, хотя Каракалла ее не вызывал. Коммод также не мог утешить его. Своими зловещими словами он только еще больше напугал страдающего императора.^[72]

Филострат^[73] описал нам знаменитую беседу Аполлония Тианского с тенью Ахилла. Философ рассказал, что он воскресил призрак Ахилла не рытьем траншеи и не пролитием крови баранов, как Одиссей, а молитвами, подобными тем, которые индийцы, как говорят, возносят своим героям. В своей молитве к Ахиллу он сказал, что, в отличие от большинства людей, не верит в то, что великий воин мертв, так же как и его учитель Пифагор, и умолял его явиться. И тут раздался легкий толчок землетрясения, и перед ним предстал прекрасный юноша девяти футов ростом, одетый в фессалийский плащ. Он не был похож на хвастуна, как думали некоторые, и выражение его лица, если и мрачное, то не неприятное. Никакие слова не могли описать его красоту, которая превосходила все мыслимые пределы. Тем временем он вырос до двадцати футов в высоту, и его красота увеличивалась пропорционально. Волосы он никогда не стриг. Аполлоний получил разрешение задать ему пять вопросов и, соответственно, попросил рассказать о пяти самых запутанных моментах в истории Троянской войны - действительно ли Елена была в Трое, почему Гомер ни разу не упоминает Паламеда и т. д. Ахилл ответил ему полностью и правильно в каждом случае. Затем внезапно прокричал петух, и он, подобно отцу Гамлета, исчез из поля зрения Аполлония.

ССЫЛКИ:

^[44] *N.H.*, 30. 1. 16.

^[45] *Гимн. Orph.*, 18. 15.

^[46] *Soph.*, *O.C.*, 1590.

^[47] *Cic.*, *Verr.*, iv. 107.

^[48] *Diodor.*, v. 4. 2.

^[49] Cp. Gruppe, *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*, p. 815, где этот вопрос обсуждается очень подробно.

^[50] Страбон, 13. 29, 30; Плиний, *N.H.*, 2. 208.

- [51] *De Div.*, i. 79.
- [52] Страбон, 14, 636; 12, 579.
- [53] Paus., 3. 17, 19.
- [54] Herod., v. 92.
- [55] *Dial. Deor.*, 7. 4.
- [56] Филостр, *Apoll. Tyap.*, 4. 16.
- [57] *Tusc. Disp.*, 1. 16.
- [58] *Leg.*, x. 909B.
- [59] *Alc.*, 1128.
- [60] *De Div.*, 1. 58.
- [61] *Tusc.*, 1. 48.
- [62] Плиний, *N.H.*, 7. 52, 178.
- [63] Майерс, *Человеческая личность*, ii. 328, 329.
- [64] *Pharsal.*, vi. *ad fin.*
- [65] *Theb.*, 4. 405 ff.
- [66] *Met.*, ii. 28.
- [67] *In Vat.*, 6.
- [68] *An.*, ii. 28.
- [69] *N.H.*, 30. 5.
- [70] Suet., *Nero*, 34.
- [71] *N.H.*, 30. 5
- [72] Dio Cassius, 77. 15.
- [73] Аполлон. *Tyap.*, 4. 16.
-

V

ВИДЕНИЯ МЕРТВЫХ ВО СНЕ

В большинстве дошедших до нас греческих и римских историй призраки умерших предстают во сне, возвращаясь к своим друзьям на земле. Как правило, я не пытался собрать эти случаи, поскольку их нельзя отнести к рассказам о привидениях; но поскольку влияние мертвых, как правило, считалось, осуществлялось именно таким образом, я приведу несколько историй, которые кажутся особенно поразительными. О том, что умершие могли возвращаться по ночам к тем, кого они любили, свидетельствует трогательная надпись, в

которой жена просит, чтобы ее мужу было позволено иногда навещать ее во сне и чтобы она могла вскоре присоединиться к нему.

Самый интересный отрывок, дошедший до нас и касающийся всего вопроса о способности мертвых являться любимым во сне, - это, несомненно, "Десятая декламация" Квинтилиана. Тот факт, что величайший учитель риторики своего времени выбрал ее в качестве темы для одной из своих образцовых речей, показывает, насколько важную роль она должна была играть в чувствах образованных римлян того времени. История такова.

Мать была убита горем из-за потери любимого сына, когда в ночь похорон, которые долго откладывались по ее убедительной просьбе, мальчик явился ей в видении и оставался с ней всю ночь, целуя и лаская ее, как будто он был жив. Он не покидал ее до рассвета. "Все, что остается в живых от сына, - говорит Квинтилиан, - остается в тесном общении с матерью, когда он умирает". В своем бескорыстии она умоляет сына не скрывать от отца утешения, которое он ей принес. Но отцу, услышавшему эту историю, совсем не по душе мысль о визите призрака сына, и он, по сути, приходит в ужас от такой перспективы. Он ничего не говорит матери, которая жестокостью своего горя и настойчивостью своих молитв взбудоражила богов верхнего мира не меньше, чем нижнего, а сразу же посылает за колдуном. Как только он прибывает, колдуна отводят к фамильному склепу, который занимает свое место в городе мертвых, протянувшемся вдоль шоссе от городских ворот. На могилу накладывают магическое заклинание, урну запечатывают страшными словами, пока, наконец, незадачливый мальчик не превращается в безжизненную тень. Наконец, как нам рассказывают, колдун бросился на саму урну и вдохнул свои чары в кости и прах. По крайней мере, в этом он признался, глядя вверх: "Дух сопротивляется. Заклинаний недостаточно. Мы должны полностью закрыть могилу и скрепить камни железом". Его предложения выполняются, и наконец он заявляет, что все сделано успешно. "Теперь он действительно мертв. Он не может появиться или выйти. Эта ночь докажет истинность моих слов". После этого мальчик так и не появился ни перед матерью, ни перед кем-либо еще.

Мать была вне себя от горя. Дух ее сына, успешно обошедший богов нижнего мира в своем желании посетить ее, теперь, благодаря этим чужеродным заклинаниям, бьется о верх могилы, не в силах понять, какой груз на него возложили, чтобы не дать ему вырваться. Заклинания не только запирают мальчика - возможно, он мог бы прорваться сквозь них, - но и железные полосы и прочные крепления вновь ставят его лицом к лицу со смертью. Эта очень реалистичная, хотя и довольно материальная картина человеческой души, навечно замурованной в могиле, дает нам четкое представление о популярной в Риме вере в будущую жизнь и позволяет осознать весь смысл надписи "Sit tibi terra levis" (Да прижмет тебя земля), которая так часто встречается на римских гробницах, что ее часто сокращают до "S.T.T.L.".

Предполагается, что речь была произнесена в рамках иска о жестокости^[74], поданного женой против своего мужа, и в ходе нее об отце говорят как об отцеубийце за то, что он сделал. Он защищается, говоря, что предпринял шаги, ставшие причиной иска, ради душевного спокойствия жены. На это ему отвечают, что призрак сына никогда не сможет напугать мать, хотя другие духи, если они ей неизвестны, вполне могут это сделать.

В продолжение речи нам рассказывают, что дух, освободившись от тела, купается в огне и отправляется в свой дом среди звезд, где его ждут другие судьбы. Тогда он вспоминает о теле, в котором когда-то обитал. Поэтому мертвые возвращаются, чтобы навестить тех, кто когда-то был им дорог на земле, и становятся оракулами, и дают нам своевременные предупреждения, и осознают жертвы, которые мы им приносим, и приветствуют почести, воздаваемые им на их могилах.

Декламация заканчивается, как и большинство римских речей, призывом: в данном случае к колдуну и мужу снять чары; особенно к колдуну, который имеет власть мучить богов и духов мертвых; который ужасом своих полуночных криков может сдвинуть с места самые глубокие пещеры, может потрясти самые основы земли. "Ты можешь как вызывать духов, которые служат тебе, так и выступать в роли их жестокого и безжалостного надзирателя. Прислушайся хоть раз к молитвам матери, и пусть они смягчат твое сердце".

Далее следует история Фрасилла, рассказанная Апулеем,^[75] которая по своему романтическому тону вполне современна. Он был влюблен в жену своего друга Тлеполема, которого вероломно убил на охоте. Его преступление не раскрыто, и он почти сразу же начинает добиваться ее руки у ее родителей. Горе вдовы невероятно. Она отказывается от пищи и вообще пренебрегает собой, надеясь, что боги услышат ее молитву и позволят ей воссоединиться с мужем. Но наконец родители, по просьбе Фрасилла, уговаривают ее позаботиться о своем здоровье. Она проводит свои дни перед образом умершего, который она сделала по образу и подобию бога Либера, воздавая ему божественные почести и находя единственное утешение в том, что таким образом разжигает свои собственные страдания.

Услышав об иске Фрасилла, она с презрением и ужасом отвергает его, а ночью к ней является ее мертвый муж, описывает, что именно произошло, и умоляет отомстить за него. Она не нуждается в уговорах и почти сразу же принимает решение о том, как ей отомстить. Фрасиллус сообщает ей, что она не может принять никакого определенного решения, пока не закончится год ее траура. Тем временем она соглашается на его ночные визиты и обещает, что ее старая кормилица впустит его в дом. Обрадованный успехом, Фрасиллус приходит в назначенный час, и старая кормилица принимает его. В доме царит полная темнота, но ему дают чашу вина и предоставляют самому себе. Однако вино оказалось одурманивающим, и он погружается в глубокую дремоту. Затем приходит вдова Тлеполема и торжествует над своим врагом, так легко попавшим в ее руки. Она не убьет его, как он убил ее мужа. "Ни покой смерти, ни радость жизни не будут твоими, - восклицает она. "Ты будешь скитаться, как беспокойная тень, между Оркусом и светом дня..... Кровь твоих глаз я принесу в жертву на могиле моего возлюбленного Тлеполема и умилюсь ими его благословенный дух". При этих словах она вынимает из волос заколку и ослепляет его. Затем она мчится по улицам с мечом в руке, чтобы напугать любого, кто попытается ее остановить, к гробнице мужа, где, рассказав всю свою историю, убивает себя.

За ней последовал Фрасилий, объявивший, что посвятил себя Манам по собственной воле. Он тщательно закрыл за собой гробницу и умер от голода.

Это, безусловно, лучшая из историй, в которой видение мертвых во сне играет важную роль; но есть и хорошо известная история о византийской деве Клеонике.^[76] Она была высокого происхождения, но имела несчастье привлечь внимание спартанца Павсания, который командовал объединенным греческим флотом в Геллеспонте после битвы при Платее. Как и многие спартанцы, впервые столкнувшись с настоящей роскошью после экономного домашнего воспитания, он полностью потерял душевное равновесие и опьянел от великолепия своего положения, пытаясь подражать персам в их манерах и даже стремясь, как говорят, стать тираном всей Греции. Клеонику жестоко оторвали от родителей и ночью привели в его комнату. Он спал в это время, но, разбуженный шумом, вообразил, что кто-то ворвался в его комнату с целью убить его, выхватил меч и убил ее. После этого ее призрак являлся ему каждую ночь, приказывая "отправиться навстречу судьбе, которую готовят ему гордыня и похоть". Говорят, он посетил храм в Гераклее, где вызвал ее дух и попросил о помиловании. Она явилась и сказала ему, что "скоро он избавится от всех своих бед после

возвращения в Спарту" - двусмысленный способ предсказать его смерть, которая произошла вскоре после этого. Она, безусловно, была отомщена таким образом.

Прежде чем оставить эти истории о видениях мертвых, нельзя не упомянуть об очаровательной поэме юных лет Вергилия, *Culex* ("Мошка"). Как первый набросок знаменитого характера Вильгельма III, созданный Маколеем, как говорят, содержится в эссе на Кембриджскую премию, так и *Culex* содержит первые наброски некоторых из величайших отрывков в поздних произведениях Вергилия - прекрасное описание прелестей сельской жизни в "Георгиках", например, и рассказ о Тартаре в шестой книге "Энеиды". История невелика, как обычно бывало в этих маленьких эпосах, где пурпурные пятна важнее сюжета. Пастух засыпает в тени у прохладного фонтана, как это делают сегодня в Южной Италии, чтобы отдохнуть после полуденной трапезы. Внезапно на сцене появляется змея, ужасы которой описаны с поистине вергилиевской живостью, и готовится поразить пастуха. Пролетающая мимо мошка, герой поэмы, видит опасность и будит пастуха, укусив его в глаз. Он гневно вскакивает, отмахивается от нее рукой, и безжизненно бросает ее на землю. Затем, к своему ужасу, он видит змею и тут же убивает ее веткой дерева.

В ту ночь, когда он засыпает, ему во сне является призрак мошки и горько упрекает его за жестокую смерть, которой она была вознаграждена за свои героические заслуги. Теперь Харон забрал ее себе. Далее он приводит яркое описание ужасов Тартара и сравнивает его тяжелую участь с участью пастуха. Очнувшись, пастух испытывает угрызения совести за свое поведение, а также, возможно, боится, что его постоянно будет преследовать призрак его крошечного благодетеля. Поэтому он приступает к работе и возводит курган в честь мошки, облицовывая его мрамором. Вокруг него он сажает всевозможные цветы, особенно фиалки и розы - цветы, которые обычно приносят в жертву умершим, и высекает на мраморной плите следующую надпись: "Маленький комар, пастух посвящает тебе свою могилу в обмен на жизнь, которую ты ему подарил".^[77]

Существует также интересная история о Пиндаре, рассказанная Павсанием.^[78] В старости великому поэту приснилось, что к нему явилась Персефона и сказала, что только она одна из всех богинь не была воспета им в песнях, но что он должен отдать долг, когда придет к ней. Вскоре после этого он умер. Однако была его родственница, женщина, которая в то время была уже далеко в годах, и которая практиковалась в исполнении большинства его гимнов. К ней во сне явился Пиндар и спел гимн Прозерпине, который она записала по памяти, когда проснулась.

Я включил одну или две истории о явлениях во сне в следующий раздел, так как они показались мне более уместными.

СЛОВА:

^[74] *Malæ tractationis*.

^[75] *Met.*, viii. 4.

^[76] Плутарх, *Цимон*, гл. VI.

^[77]

"Parve culex, pecudum custos tibi tale merenti
Funeris officium vitæ pro munere reddit."

[78] 9. 21. 3.

VI

ЯВЛЕНИЯ МЕРТВЫХ

Среди небылиц в "Филопсевде" Лукиана[79] есть забавный рассказ о человеке, чья жена, которую он очень любил, явилась ему после того, как она была мертва в течение двадцати дней. Он устроил ей пышные похороны и сжег вместе с ней все, чем она владела. Однажды, когда он спокойно сидел и читал "Федо", она внезапно явилась ему, к ужасу его сына. Как только он увидел ее, он со слезами на глазах обнял ее, что, по-видимому, свидетельствует о том, что она была более крепкого телосложения, чем большинство призраков древнего мира; но она строго-настрого запретила ему издавать какие-либо звуки. Затем она объяснила, что пришла упрекнуть несчастного за то, что он не сжег на похоронах одну из ее золотых туфель. Она объяснила, что туфелька упала за сундук, о ней забыли и не положили на костер вместе с другой. Пока они разговаривали, из-под кровати вдруг начал лаять растерянный маленький мальтийский щенок, и она исчезла. Но туфелька была найдена именно там, где она описала, и на следующий день была должным образом сожжена. Эта история освежает человеческое отношение.

Похоже, что вопрос о платье нередко беспокоил покойных дам в древнем мире. Периандр,[80] тиран Коринфа, однажды пожелал посоветоваться с духом своей жены по очень важному вопросу; но она ответила, как, несомненно, часто делала при жизни, что не будет отвечать на его вопросы, пока не получит приличную одежду. Периандр дождался большого праздника, когда, как он знал, все женщины Коринфа соберутся в своих лучших нарядах, и тогда приказал им всем раздеться. Одежду он сжег на огромном костре в честь своей жены, и можно представить себе его удовлетворение от ощущения, что он наконец-то навсегда решил этот вопрос. Он с чистой совестью снова обратился к жене, когда она дала ему понять, что говорит правду, и ответила на его вопросы так, как он хотел.

О том, что мелкие бытовые вопросы могут сильно давить на совесть женщины даже в наши дни, свидетельствует следующая интересная история, которую вполне можно сравнить с вышесказанным.[81] В июле 1838 года к католическому священнику, который отправился в Перт, чтобы возглавить миссию, обратилась женщина-пресвитерианка. Она объяснила, что уже много недель жаждет увидеть священника. Недавно умершая женщина, которую она знала очень мало, являлась ей по ночам в течение нескольких ночей, убеждая ее пойти к священнику и попросить его заплатить три шиллинга и десять пенсов неуказанному лицу.

Священник навел справки и узнал, что покойная работала прачкой и следовала за полком. Наконец, после тщательных поисков, он нашел бакалейщика, с которым она имела дело, и на вопрос, не должна ли ему женщина с таким именем, бакалейщик развернул свои книги и сообщил, что она должна ему три шиллинга и десять пенсов. Он заплатил эту сумму. После этого пресвитерианка пришла к нему и сказала, что ее больше ничего не беспокоит.

Духи худших из римских императоров, как и следовало ожидать, были особенно беспокойными. Плиний[82] рассказывает, как Фанний, работавший над "Жизнью Нерона", был предупрежден им о приближающейся смерти. Он лежал на кушетке глубокой ночью с письменным столом перед собой, когда пришел Нерон, сел рядом с ним, взял первую книгу, которую он написал о своих злых делах, и прочитал ее до конца; то же самое со второй и третьей. Затем он исчез. Фанний был в ужасе, так как подумал, что видение означало, что он никогда не дойдет до третьей книги своего труда, и это действительно оказалось так.

Нерон, несмотря на дикое безрассудство своей жизни, а может быть, и благодаря ему, обладал романтическим очарованием; кроме того, он обладал искупительной чертой - художественным вкусом. Подобно Франциску I Французскому, или нашему Карлу II, он был неотразим в глазах дам и, должно быть, был любимцем всех горничных Рима. Люди долго не хотели верить в его смерть, и в течение многих лет с уверенностью утверждали, что он появится снова. Долгое время считалось, что его призрак ходит по Риму, а церковь Санта-Мария-дель-Пополо, как говорят, была построена в 1099 году папой Пасхалисом II на месте гробниц Домициев, где был похоронен Нерон, недалеко от современного Porta-дель-Пополо, где в город входит Виа Фламиния, чтобы укрыть его беспокойную тень.

Калигула также появился вскоре после своей смерти и часто беспокоил зрителей Ламианских садов, поскольку его тело было поспешно похоронено там без должных церемоний. Только после возвращения из изгнания его сестер, которые действительно любили его, несмотря на все его недостатки, похоронные обряды были проведены должным образом, после чего его призрак больше не доставлял хлопот.[83]

В ночь на день убийства Гальбы император Отхо слышал стоны в своей комнате. Вбежав туда, они обнаружили его лежащим перед кроватью и пытающимся умиловить призрак Гальбы, которому он заявил, что видит себя изгоняемым и изгоняющим.[84] Отхо представлял собой странную смесь суеверия и скептицизма, и когда он отправился в свою последнюю роковую экспедицию, то отнесся к неблагоприятным предзнаменованиям с презрением. Однако к этому времени он мог уже впасть в отчаяние.

Кроме того, нерелигиозные люди, как известно, суеверны, и в этот период очень трудно сказать, где кончается религия и начинается суеверие.

У нас есть одна или две истории о призраках, связанные с ранней греческой мифологией. Киллас, возница Пелопса, хотя Трезениус называет его имя Сферес, умер по дороге в Пизу и явился Пелопсу ночью, умоляя похоронить его должным образом. Пелопс сжалился над ним и со всеми церемониями сжег[85] его тело, воздвиг в его честь огромный курган и построил рядом с ним часовню киллейскому Аполлону. Он также назвал в его честь город. Страбон даже говорит, что в честь Килласа был воздвигнут курган в Крисе на Троаде. Такое внимание не осталось незамеченным. Киллас снова явился к Пелопсу и поблагодарил его за все, что он сделал, и, как говорят, именно Килласу он был обязан информацией, благодаря которой ему удалось одолеть Оётаус в знаменитой гонке на колесницах, которая принесла ему руку Гипподамии. Бесстыдная неблагодарность Пелопса по отношению к вознице Миртилу, который снял штырь с колесницы своего господина и тем самым стал причиной его поражения и смерти, чтобы помочь Пелопсу, пообещав ему полцарства, вряд ли согласуется с его отношением к Килласу, хотя оно и является чисто греческим. Однако, если исходить из теории, что человек, предавший одного хозяина, скорее всего, предаст и другого, особенно если за его вероломство ему полагается вознаграждение в виде половины царства, Пелопс был прав, решив, что Миртила лучше убрать с дороги; и вряд ли он мог предвидеть проклятие, которое должно было обрушиться на его семью в результате этого.

С этой историей можно сравнить известный рассказ поэта Симонида, который нашел на берегу неизвестный труп и почтил его погребением.^[86] Вскоре после этого он уже собирался отправиться в путешествие, как ему во сне явился тот, кого он похоронил, и предупредил, чтобы он ни в коем случае не плыл на выбранном им корабле, так как он, несомненно, потерпит крушение. Под впечатлением от видения поэт остался, и вскоре корабль пошел ко дну со всеми, кто был на борту. Симонид выразил свою благодарность в поэме, описывающей это событие, и в нескольких эпиграммах. Либаний даже заходит так далеко, что помещает место события в Тарентум, где он готовился отплыть на корабле в Сицилию.

Эта история, скорее всего, мифическая. Она принадлежит к группе историй о благодарных мертвецах, которые стали темой интересной книги, недавно опубликованной Обществом народных преданий.^[87] Мистер Джерольд сомневается, что она действительно принадлежит к этому циклу, поскольку даже в версии Цицерона она почти на два столетия раньше, чем любая другая из обнаруженных до сих пор; но она, несомненно, вдохновила Чосера на создание его "Сказки о монашеском священнике" и, вполне возможно, повлияла на другие более поздние версии. Еврейская версия ближе к истории Симонида, чем любая другая, и я процитирую ее словами г-на Герольда.^[88]

"Сын богатого иерусалимского купца после смерти отца отправляется посмотреть мир. В Стамбуле он находит висящее в цепях тело еврея, которое султан приказал оставить там до тех пор, пока его единоверцы не выплатят сумму, которую тот подозревается в краже у своего царственного господина. Герой выплачивает эту сумму, и труп хоронят. Позже, во время бури на море, его спасает камень, на котором он выбирается на сушу, откуда его переносит орел в Иерусалим. Там ему является человек в белой одежде и объясняет, что он - призрак умершего, и что он уже являлся в виде камня и орла. Далее дух обещает герою награду за его добрый поступок в настоящей и будущей жизни".

Это одна из самых простых форм, в которых предстает эта история. Обычно она встречается в сочетании с другими подобными историями, но основные факты сводятся к тому, что человек хоронит труп, найденный на морском берегу, из филантропических побуждений. "Позже его встречает призрак умершего, который во многих случаях обещает ему помощь при условии получения взамен половины всего, что он получит. Герой получает жену (или другое вознаграждение) и, когда к нему обращаются, готов выполнить свою сделку по разделу имущества",^[89] не исключая жены. Некоторые черты этой истории можно найти в приведенной выше истории о Пелопсе и Килле, которую г-н Герольд не упоминает.

У Павсания^[90] есть рассказ об одном из членов команды Улисса. Корабль Улисса гоняли ветры от одного города к другому в Сицилии и Италии, и в ходе этих скитаний он пристал к Текмессе. Здесь один из матросов напился и совратил девицу, за что был забит камнями до смерти возмущенными жителями города. Улисс не стал беспокоиться о случившемся и уплыл. Однако вскоре призрак убитого стал сильно досажать местным жителям, убивая жителей города, независимо от возраста и пола. Наконец, дело дошло до того, что город был покинут. Но пифийская жрица посоветовала жителям вернуться в Текмесс и умиротворить героя, построив ему храм и участок, а также ежегодно давая ему в жены самую прекрасную деву города. Они последовали этому совету, и призрак больше не беспокоил их. Однако случилось так, что Эвтимий приехал в Текмессу как раз в тот момент, когда жители воздавали умершему моряку ежегодные почести. Узнав, как обстоят дела, он попросил разрешения войти в храм и увидаться с девой. При их встрече он сначала был тронут жалостью, а затем сразу же отчаянно влюбился в нее. Девушка поклялась быть его, если он спасет ее. Эвтимий облачился в доспехи и стал ждать нападения чудовища. Он одержал верх, и призрак, изгнанный из своего дома, погрузился в море. Свадьбу, конечно же, отпраздновали с

большим размахом, и больше о духе пьяного моряка ничего не было слышно. Эту историю, очевидно, следует отнести к истории Ариадны.

Богобоязненный Илиан пытается показать, что Провидение следит за хорошим человеком и привлекает к ответственности его убийц, с помощью истории, взятой из Хрисиппа.^[91] Один путешественник остановился на постоялом дворе в Мегаре, на нем был пояс, полный золота. Хозяин гостиницы обнаружил, что у него при себе деньги, и убил его ночью, договорившись вывезти тело за ворота в навозной телеге. Тем временем убитый явился одному из жителей города и рассказал ему о случившемся. Тот был поражен видением. Было проведено расследование, и убийца был пойман именно там, где указал призрак, и понес заслуженное наказание.

Это одна из немногих историй, в которой явление было замечено в момент смерти или близко к нему, как и в подавляющем большинстве хорошо подтвержденных случаев, собранных за последние годы.

Аристей из Проконеса, человек высокого происхождения, умер совершенно неожиданно в суконном заведении в своем родном городе.^[92] Хозяин запер здание и пошел сообщить родственникам, но один человек из Кизика, услышав новость, опроверг ее, сказав, что Аристей встретил его по дороге и разговаривал с ним; а когда пришли родственники, готовые вынести тело, они не нашли Аристеев ни живым, ни мертвым. В целом, он, похоже, был удивительной личностью. Он исчез на семь лет, а затем появился в Проконе и написал эпическую поэму под названием "*Аримиспея*", которая была хорошо известна во времена Геродота. Двести сорок лет спустя его снова увидели, на этот раз в Метапонтуме, и он велел горожанам построить святилище Аполлона, а рядом с ним воздвигнуть свою статую, так как Аполлон приходил к ним один из италийских греков, и его видели преследующим в виде ворона. Горожане были встревожены этим явлением и обратились к дельфийскому оракулу, который подтвердил все, что сказал Аристей, и Аполлон получил свой храм, а Аристей - свою статую на рыночной площади.

Аполлоний^[93] рассказывает практически ту же историю, за исключением того, что в его версии Аристеев видели дающим урок литературы несколько человек в Сицилии в тот самый час, когда он умер в Проконесе. Он говорит, что Аристей появлялся с перерывами в течение нескольких лет после своей смерти. Старший Плиний^[94] также говорит об Аристее, утверждая, что в Проконе его душа покинула тело в виде ворона, хотя он считает эту историю, скорее всего, выдумкой.

Врач в "*Филопсевде*" Лукиана (с. 26) утверждает, что знал человека, который воскрес из мертвых через двадцать дней после погребения, и что он присутствовал при его воскрешении. Но на вопрос, как получилось, что тело не разложилось и человек не умер от голода, он не дает ответа.

Дио Кассий^[95] описывает, как, когда Нерон захотел прорубить канал через Коринфский перешеек, перед теми, кто первым коснулся земли, хлынула кровь, слышались стоны и крики, и появилось несколько призраков. Только после того, как Нерон взял кирку и начал работать сам, чтобы подбодрить людей, был достигнут реальный прогресс.

Плиний^[96] приводит интересный рассказ Гермотима Клазоменского о человеке, душа которого имела привычку покидать тело и блуждать по свету, что подтверждалось тем, что он часто описывал события, которые происходили на расстоянии и могли быть известны только очевидцам. Его тело тем временем лежало, как у человека в трансе или полумертвого. Однажды, однако, некие его враги взяли тело в таком состоянии и сожгли его, тем самым, по

выражению Плиния, не оставив душе никакой оболочки[97], в которую она могла бы вернуться.

Никто не может не поразиться тому, насколько скупы и скудны эти истории в целом. Они не обладают теми качествами, которые мы ожидаем найти в хорошей современной истории о призраках. Ни одна из них не может сравниться по патетической красоте со многими из тех, что можно найти в *"Человеческой личности"* Майерса. Возьмем, к примеру, историю о леди[98], которую разбудил ночью звук стонов и рыданий, как у человека, находящегося в тяжелом душевном состоянии. Не найдя ничего в своей комнате, она пошла и выглянула из окна лестничной площадки, "а там, на траве, стояла на коленях перед солдатом в генеральском мундире очень красивая девушка, сцепив руки и моля о помиловании; но, увы, он только отмахнулся от нее".

История оказалась правдивой. Младшая дочь старинной и знатной семьи, к которой принадлежал дом, родила незаконнорожденного ребенка. Ее родители и родственники отказались иметь с ней что-либо общее, и она умерла с разбитым сердцем. Дама, рассказывающая эту историю, так ясно увидела черты лица, что спустя полгода, зайдя в дом к подруге, узнала портрет солдата и воскликнула: "Смотрите! Вот он, генерал!", как только она заметила его.

Однако до нас дошла одна действительно красивая история о призраке.[99] Флегон Тралльский был вольноотпущенником императора Адриана. Его произведения не отличаются особыми достоинствами. Ниже приведен благоприятный образец его истории. После смерти отца, Поликрата, в Этолии родился чудовищный ребенок. На общественном собрании, где предлагалось избавиться от него, внезапно появился отец и попросил отдать ему ребенка. Отца попытались схватить, но он выхватил ребенка, разорвал его на куски и сожрал все, кроме головы. Когда было предложено обратиться по этому вопросу к дельфийскому оракулу, голова пророчествовала толпе с того места, где она лежала на земле.

Далее следует следующая история. Ранняя часть отсутствует, но Эрвин Роде в интересной статье[100] прояснил все существенные детали. Трактаты Прокла о "Республике" Платона полностью сохранились только в ватиканских рукописях. Из них Май опубликовал только фрагменты,[101], но английский богослов Александр Морус сделал записи из рукописи, когда она находилась во Флоренции, и процитировал ее в комментарии к Посланию к Евреям.[102] Один из трактатов называется πῶς δεῖ νοεῖν εἰσεῖναι καὶ ἦν ἀπὸ σῶματος. Окончание в Флегоне[103] доказывает, что рассказ был передан в форме письма, и мы узнаем, что действие происходило в Амфиполе, на реке Стримон, и что рассказ был отправлен Гиппархом в письме к Арридею, сводному брату Александра Великого, события происходили во время царствования Филиппа II Македонского. Прокл говорит, что его сведения получены из писем, "одни написаны Гиппархом, другие - Арридеем".

Филинниона была дочерью Демострата и Харито. Она была замужем за Кратером, знаменитым полководцем Александра, но умерла через шесть месяцев после свадьбы. Поскольку мы узнаем, что она была отчаянно влюблена в Махатеса, иностранного друга из Пеллы, приехавшего к Демострату, возможно, причиной ее смерти стали страдания, связанные с ее положением. Но ее любовь победила саму смерть, и она вернулась к жизни через полгода после того, как умерла, и жила с Махатесом, навещая его несколько ночей. "Однажды старая кормилица зашла в гостевую комнату и, когда горела лампа, увидела женщину, сидящую рядом с Махатесом. С трудом сдерживая себя от такого необычного явления, она побежала к матери девушки, зовя: "Харито! Демострат!" и велела им встать и

пойти с ней к дочери, так как та, по милости богов, оказалась живой и находилась с незнакомцем в гостевой палате.

"Услышав эту необычную историю, Харито сначала была поражена ею и волнением кормилицы, но вскоре оправилась и при упоминании о дочери разрыдалась, сказала старухе, что она не в себе, и приказала ей выйти из комнаты. Кормилица была возмущена таким обращением и смело заявила, что она не в своем уме, а Харито не хочет видеть дочь, потому что боится. Наконец Харито согласилась подойти к двери гостевой комнаты, но так как прошло уже около двух часов с тех пор, как она узнала новость, она пришла слишком поздно и застала обеих спящими. Мать склонилась над фигурой женщины, и ей показалось, что она узнала черты лица и одежду дочери. Не будучи уверенной в этом, так как было темно, она решила пока помолчать, намереваясь встать пораньше и поймать женщину. В случае неудачи она потребует от Махатса полного объяснения, ведь он никогда не солгал бы ей в таком важном деле. Так ничего и не сказав, она вышла из комнаты.

"Но рано утром следующего дня, то ли по воле богов, то ли движимая каким-то божественным порывом, женщина ушла незамеченной. Когда она пришла к нему, Харито разгневалась на юношу, прижалась к его коленям и стала умолять его говорить правду и ничего от нее не скрывать. Сначала он сильно расстроился и с трудом заставил себя признать, что девушку зовут Филиннион. Затем он описал ее первый приход и буйство страсти, рассказал, как она сказала, что была там без ведома родителей. Чтобы убедиться в правдивости своего рассказа, он открыл сундук и достал оттуда оставленные ею вещи: золотое кольцо, которое она ему подарила, и пояс, который она оставила в предыдущую ночь. Увидев все эти убедительные доказательства, Харито издала пронзительный крик, разорвала одежду и плащ, сорвала с головы чепец и стала заново оплакивать дочь в кругу своих друзей. Махатса сильно огорчился, увидев, что произошло, и как все они скорбят, словно на вторых похоронах. Он умолял их утешиться и обещал, что они увидят ее, если она появится. Харито согласился, но велел ему быть осторожным в исполнении своего обещания.

"Когда наступила ночь и приблизился час, в который обычно появлялась Филинниона, они стали следить за ней. Она пришла, по своему обыкновению, и села на кровать. Махатес не стал притворяться, ибо ему искренне хотелось докопаться до истины, и тайно послал нескольких рабов позвать ее родителей. Он и сам с трудом верил, что женщина, регулярно приходившая к нему в один и тот же час, действительно мертва, а когда она ела и пила вместе с ним, начал подозревать то, что ему подсказали, а именно, что какие-то грабители разграбили гробницу и продали одежду и золотые украшения ее отцу.

"Демострат и Харито тотчас же поспешили к ней и, увидев ее, сначала потеряли дар речи от изумления. Затем с криками радости они бросились к дочери. Но Филинниона оставалась холодна. "Отец и мать, - сказала она, - жестоки вы были, что не позволили мне прожить с чужеземцем три дня в доме моего отца, ибо это никому не принесло вреда. Но вы заплатите за свое вмешательство горем. Я должна вернуться в назначенное мне место, хотя я пришла сюда не без воли Небес". С этими словами она упала замертво, и тело ее распростерлось на кровати. Родители бросились к ней, и дом наполнился смятением и печалью, ибо удар был действительно тяжелым; но событие это было странным, и вскоре о нем стало известно всему городу, а в конце концов дошло и до моих ушей.

"В течение ночи я сдерживал толпу, собравшуюся вокруг дома, заботясь о том, чтобы не было никаких беспорядков, когда новость распространится. На рассвете театр был полон. После долгого обсуждения было решено, что мы должны пойти и открыть гробницу, чтобы

посмотреть, лежит ли еще тело на , или же мы найдем место пустым, ведь женщина умерла едва ли полгода назад. Когда мы открыли склеп, где была похоронена вся ее семья, то увидели тела, лежащие на других бирах; но на том, где лежала Филинниона, мы нашли только железное кольцо, принадлежавшее ее возлюбленному, и позолоченную чашку для питья, которую Махатес подарил ей в первый день. В крайнем изумлении мы отправились прямо в дом Демострата, чтобы посмотреть, на месте ли тело. Мы увидели его лежащим на земле, а затем большой толпой отправились к месту сбора, так как все это событие имело огромное значение и в него невозможно было поверить. Было большое замешательство, и никто не мог сказать, что делать, когда Хилус, который не только считается лучшим прорицателем среди нас, но и является большим авторитетом в толковании полета птиц, и вообще хорошо разбирается в своем искусстве, встал и сказал, что женщину нужно похоронить за пределами города, так как незаконно, чтобы она покоилась в них; и что Гермес Хтоний и Эвмениды должны быть умиловлены, и что все загрязнения таким образом будут удалены. Он приказал заново освятить храмы и совершить обычные обряды в честь богов. Что касается царя, то он в частном порядке велел мне принести жертвы Гермесу, Зевсу Ксению и Аресу и исполнять эти обязанности с величайшей тщательностью. Мы так и поступили.

"Незнакомец Махатес, которого посетил призрак, в отчаянии покончил с собой.

"Если вы считаете нужным, чтобы я дал королю отчет обо всем этом, дайте мне знать, и я пришлю некоторых из тех, кто сообщил мне различные подробности."

Эта история особенно интересна как источник гётевской *"Braut von Korinth"*. В поэме Гете девушка - христианка, а ее возлюбленный - язычник. Их родители - друзья, и в юности они были обручены. Он приезжает погостить к ее родителям, ничего не зная о ее смерти, когда она появляется перед ним. Как и в греческой истории, ее тело материально, но холодно и бескровно, и он думает, что она еще жива. Он берет ее на руки и целует, возвращая к жизни и любви, вдыхая в нее свою собственную страсть. Тогда мать удивляет их, а дочь упрекает ее за жестокость, но просит похоронить ее и ее возлюбленного вместе, так как он должен заплатить за жизнь, которую подарил ей, своей собственной.

ССЫЛКИ:

[79] *Филопс.*, 27.

[80] *Ирод*, v. 92.

[81] *Человеческая личность*, ii. 348.

[82] *Ер.*, v. 5.

[83] *Суэт., Гай*, 59.

[84] *Suet., Otho*, 7.

[85] Если таково значение *εξερριπάρου* в гомеровских схолиях Феопомпа (см.

[86] *Cic., De Div.*, i. 27, 56. Cp. *Val. Max.*, i. 7; *Libanius*, iv. 1101.

[87] *The Grateful Dead*, by G.H. Gerould.

[88] *The Grateful Dead*, p. 27.

- [89] *Ibid.*, p. 10.
- [90] 6. 6. 7.
- [91] Илиан, *Фрагм.*, 82.
- [92] Ирод, iv. 14, 15.
- [93] *Hist. Mur.*, 11.
- [94] *N.H.*, 7. 52. 174.
- [95] 67. 16.
- [96] *H.X.*, 7. 52. 174.
- [97] Вагина.
- [98] *Человеческая личность*, ii. 383.
- [99] Флегон Тралльский, *De Rebus Mirabilibus, ad fin.*
- [100] *Rhein. Mus.*, vol. xxxii., p. 329.
- [101] Mai, *Script. Vet. Nov. Coll.*, ii. 671.
- [102] Лондон, 1616.
- [103] ερρώ .
-

VII

ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ

Как и следовало ожидать, в античности существует множество случаев предупреждающих явлений; интересно отметить, что в большинстве случаев речь идет о гигантских женщинах, наделенных даром пророчества.

Так, младший Плиний[104] рассказывает, как Квинт Курций Руф, состоявший в штате губернатора Африки, прогуливался однажды по колоннаде после захода солнца, когда перед ним появилась гигантская женщина. Она объявила, что является Африкой, умеет предсказывать будущее и сказала ему, что он отправится в Рим, займет там пост, вернется в провинцию с высшей властью и там умрет. Ее пророчество исполнилось в точности, и когда он в последний раз приземлился в Африке, как сообщается, его встретила та же фигура.

И снова, во время заговора Каллиппа, Дион размышлял вечером перед крыльцом своего дома, когда он обернулся и увидел в конце коридора гигантскую женскую фигуру в виде фурии, которая подметала пол метлой. Видение привело его в ужас, и вскоре после этого его единственный сын покончил жизнь самоубийством, а сам он был убит заговорщиками.[105]

Похожая драматическая история произошла с Друзом во время его германских походов.[106] Во время операций против алеманнов он готовился переправиться через Эльбу, когда путь ему преградила гигантская женщина, воскликнувшая: "Ненасытный Друз, куда ты пойдешь? Тебе не суждено увидеть все. Уходи, ибо близок конец твоей жизни и твоих деяний". Друз был

сильно встревожен этим предупреждением и мгновенно повиновался словам явившегося, но умер, не дойдя до Рейна.

То же явление мы встречаем и у Дио Кассия, среди чудес, предшествовавших смерти Макрина, когда "страшная гигантская женщина, которую видели несколько человек, заявила, что все случившееся - ничто по сравнению с тем, что им вскоре предстоит пережить" - пророчество, которое в полной мере исполнилось в царствование Гелиогабала.

Но самой гигантской из всех этих гигантских женщин была, как и следовало ожидать, исходя из его чудесной способности видеть призраков, та, что явилась Эвкрату в *Филопсевде*.^[107] Эвкрат видел в свое время более тысячи призраков и теперь вполне привык к ним, хотя сначала они его весьма огорчали; но один араб подарил ему кольцо и амулет, которые позволяли ему справляться со всем сверхъестественным, что попадалось на пути. Кольцо было сделано из железа креста, на котором казнили преступника, и, несомненно, имело в глазах Эвкрата такую же ценность, какую в наши дни в глазах азартного игрока имеет кусок веревки, на которой повесили человека. В тот раз он оставил своих людей работать на винограднике и спокойно отдыхал в полдень, когда его собака начала лаять. Сначала он подумал, что это всего лишь его любимый мальчишка развлекается охотой с друзьями, но, подняв голову, увидел перед собой женщину высотой не менее трехсот футов, с мечом длиной в тридцать футов. Нижние конечности ее были похожи на драконы, а вокруг шеи и плеч обвивались змеи. Эвкрат ничуть не встревожился, но повернул печатку своего кольца, когда в земле разверзлась огромная пропасть, в которую она и исчезла. Это, скорее, удивило Эвкрата, но он набрался храбрости, ухватился за дерево, стоявшее у края, и выглянул, чтобы увидеть весь нижний мир, лежащий перед ним, включая луг асфоделя, где тени блаженных непринужденно отдыхали со своими друзьями и родственниками, разделенными по родам и племенам. Среди них он узнал своего отца, одетого в ту одежду, в которой тот был похоронен; должно быть, сына утешило столь веское доказательство того, что его родитель благополучно пребывает на Елисейских полях. Через несколько мгновений пропасть закрылась.

Дио Кассий^[108] рассказывает, как Траян был спасен во время сильного землетрясения, разрушившего почти всю Антиохию, призраком, который внезапно появился перед ним и предупредил, чтобы он покинул свой дом через окно. Похожую историю рассказывают о поэте Симониде, которого призрак предупредил о том, что его дом рухнет, и таким образом ему удалось вовремя спастись.

Я приведу здесь несколько историй, которые, если их и нельзя точно отнести к историям предупреждающих явлений, интересны сами по себе и, по крайней мере, могут рассматриваться как истории о привидениях. Плиний Младший^[109] рассказывает, как одному его рабу по имени Маркус привиделось, что ночью он видит, как кто-то стрижет ему волосы. Когда он проснулся, оказалось, что видение было правдивым, так как волосы лежали вокруг него. Вскоре после этого то же самое повторилось. Его брат, спавший с ним, ничего не видел, но Маркус заявил, что в окно вошли два человека, одетые в белое, и, обрезав его волосы, исчезли. "Ничего удивительного не произошло, - добавляет Плиний, - кроме того, что я не был привлечен к суду, как, несомненно, должен был бы, если бы Домициан был жив; ведь это случилось во время его принципата. Возможно, обрезание волос моей рабыни было знаком моей приближающейся гибели, ведь обвиненные люди обрезают волосы в знак траура". Можно позволить себе задаться вопросом, не является ли, в конце концов, увлечение практической шуткой еще более древним, чем возраст младшего Плиния.

Эта история, как и почти все другие, с которыми мы сталкивались, имеет параллель в *"Филопсевде"*. В самом деле, Лукиан, похоже, охватил почти всю область чудесного, как оно понималось в то время, в своем стремлении превратить его в посмешище в этом забавном диалоге. В данном случае нам рассказывают о маленькой статуе Эскулапия, которая стояла в доме рассказчика истории, и к ногам которой было положено несколько пенсов в качестве подношения, а другие монеты, некоторые из них серебряные, были прикреплены к бедрам воском. Здесь же лежали серебряные таблички, которые были даны по обету или предложены теми, кого бог исцелил от лихорадки. Приношения и таблички - такие, какие можно найти в католической церкви на юге Европы в наши дни; но монеты, в нашем более практичном современном мире, попали бы в церковную казну. Хотелось бы знать, каково было конечное предназначение этих монет - были ли они отправлены в качестве пожертвований в один из храмов Эскулапия, которые были центром медицинского мира в этот период и имели при себе тщательно продуманные больницы, о которых мы так много узнаем от Аристида.

В данном случае они были лишь источником соблазна для несчастного ливийского жениха, который украл их однажды ночью, намереваясь сбежать. Но он не изучил повадки статуи, которая, как нам рассказывают, привычно спускалась с пьедестала каждую ночь; и в этом случае бог оказался настолько силен, что заставил мужчину бродить всю ночь, не в силах покинуть двор, где утром его нашли с деньгами и хорошенько выпороли. Однако бог посчитал, что его слишком легко отпустили, и его стали таинственно пороть каждую ночь, о чем свидетельствовали раны на его теле, пока он в конце концов не умер от наказания.

У Элиана^[110] есть очаровательная история о Филемоне, комическом поэте. Он был еще в полном расцвете сил, когда ему явилось видение девяти дев, покидающих его дом в Пирее и прощающихся с ним. Проснувшись, он рассказал эту историю своему рабу и принялся за работу, чтобы закончить пьесу, которой был занят в то время. Закончив ее, он завернулся в свой плащ и лег на кровать. Вошел его раб и, думая, что он спит, пошел будить его, но обнаружил, что тот мертв. Илиан заставляет неверующих эпикурейцев отрицать, что девять дев были девятью Музами, покинувшими дом, который так скоро был осквернен смертью.

Вокруг великой борьбы за окончательное господство над римским миром, закончившейся свержением республики, естественно, собралось множество историй. Шекспир познакомил нас с судьбой поэта Цинны, который был принят за одного из заговорщиков против Сезара и убит толпой. В ночь перед смертью ему приснилось, что Сезар пригласил его на ужин, а когда он отказался от приглашения, взял его за руку и заставил спуститься в глубокую темную пропасть, куда он вошел с величайшим ужасом.

Но есть история, связанная с переходом Рубикона Сезаром, которая, безусловно, заслуживает того, чтобы быть более известной, чем сейчас.^[111] Вполне естественно, что событие, чреватое столь серьезными последствиями, должно иметь некую сверхъестественную подоплеку; Суэтоний рассказывает, что, когда Сезар еще колебался, стоит ли ему объявить себя врагом своей страны, переправившись во главе армии через маленькую речку, ограничивавшую его провинцию, внезапно появился человек героического роста и красоты, игравший на тростниковой трубе. Некоторые из солдат, среди которых было несколько трубачей, подбежали послушать, когда мужчина схватил трубу, громко затрубил в нее и начал переходить Рубикон. Сезар сразу же решил идти вперед, и люди последовали за ним с удвоенным энтузиазмом после того, что они только что увидели.

Именно Плутарху мы обязаны знаменитой историей о явлении, посетившем Брута в его палатке в ночь перед битвой при Филиппах, а также во время сражения. Шекспир

представляет его как призрак Сезара, но в остальном строго следует Плутарху. Было бы нелепо передавать эту сцену другими словами, кроме шекспировских.^[112]

Брут. Как плохо горит этот факел! Кто пришел сюда?
Я думаю, это слабость моих глаз
Которые формируют это чудовищное явление.
Оно надвигается на меня. Ты кто?
Ты бог, ангел или дьявол?

Призрак. Твой злой дух, Брут.

Брут. Зачем ты пришел?

Призрак. Чтобы сказать тебе, что ты увидишь меня в Филиппах.

Брут. Хорошо; значит, я увижу тебя снова?

Призрак. Да, в Филиппах.

Брут. Ну что ж, тогда я увижу тебя в Филиппах.

Теперь я успокоился, ты исчез:

Злой дух, я бы еще поговорил с тобой.

Но он уже исчез, чтобы вновь встретиться с Брутом в последующий роковой день.

ССЫЛКИ:

[104] *Ер.*, vii. 27.

[105] Плутарх, *Дион*, ii. 55.

[106] Dio Cassius, 55. 1. Ср. Suet., *Claud.*, i.

[107] Лукиан, *Филопс*, 20.

[108] 68. 25.

[109] *Ер.*, vii. 27. 12.

[110] *Fragm.*, 84.

[111] Суэт., *Юлий*, 32.

[112] *Юлий Цезарь*, iv. 3.

КОНЕЦ

БИЛЛИНГ И СЫНОВЬЯ, ЛТД, ПЕЧАТНИКИ, ГИЛДФОРД
